

ЛИЗА
БЕЛОУСОВА

ЛИСЫ И ВОЛКИ

У БОГОВ СВОИ ИГРЫ

18+

Лиза Белоусова

Лисы и Волки

Серия «Young adult. Ориджиалы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68798607

Лисы и Волки:

ISBN 978-5-04-181003-0

Аннотация

«Лисы и Волки» – мощное городское фэнтези в мрачных декорациях провинциального российского городка.

Притягательная, мистическая атмосфера, необычная школа, яркие архетипичные герои, каждому из которых придется сделать нелегкий выбор и сражаться насмерть за своего бога.

Секрет могущества богов заключается в их последователях: чем больше людей верит – тем они сильнее. Так они умирают, рождаются и сменяют друг друга.

Однако есть другие боги, на которых эти законы не распространяются. И лучше не лезть в их игры, даже если исполняешь роль судьи – над неуправляемыми стихиями суд не имеет власти.

Лиза Белоусова – начинающий перспективный автор, культуролог, в творчестве Лизы можно встретить огромное количество отсылок к мифологиям разных народов.

Содержание

Хель-I	5
Арлекин-I	65
Хель-II	77
Арлекин-II	130
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Лиза Белоусова

Лисы и Волки

© Белоусова Л., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

август 2014 – июль 2015

Эта история была создана очень давно. С тех пор многое изменилось, но она по-прежнему посвящена Севе – за ее доброту, терпение и школьные годы, пройденные вместе.

Особая благодарность моим родителям, желающим видеть эту книгу опубликованной. И Даше – за веру даже в самые ранние и неловкие мои тексты.

Эта история написана подростком для подростков. Мне уже давно не пятнадцать, как когда я работала над ней, и потому она – драгоценное воспоминание. Это не работа мастера, но она искренна. И, надеюсь, ностальгична, ведь обращается ко времени, когда не все еще пользовались он-лайн-картами.

Хель-1

Новость о переезде не стала для меня неожиданностью – я подозревала, что именно так все и обернется, с того момента, как брат матери переступил порог нашей квартиры и потоптался на измятом коврикe, тщательно вытирая подошвы лакированных туфель. Он произвел на родителей положительное впечатление – мама, не общавшаяся с ним лет пятнадцать, если не дольше, простила ему старые обиды и крепко обняла, а *отец* отказался от предубеждения, что родственникам жены доверять нельзя, и они пожали друг другу руки. На представительный вид дядюшки я не купилась. Серый костюм, галстук, запонки, прилизанные волосы и широкая обаятельная улыбка никак не доказывают, что человек имеет благие намерения. Скорее, наоборот. В его крысиной сущности сомнений не возникало, хотя маску он носил умело – дело опыта, а может, и врожденный талант.

Из багажа он располагал одним маленьким сереньким чемоданчиком под цвет костюма. Судя по всему, он был призван вызывать жалость – человек-то, видите ли, обездоленный, без имущества.

Как только мама вышла в коридор, он упал перед ней на колени, обвил ее ноги руками, напоминая осьминогом шупальца, и принялся молить о прощении. Сцена для театра, не для жизни, и сначала меня разобрал смех – неужели в та-

кое можно поверить? Что после долгих лет холодной войны он искренне раскаялся? Может, даже мучился все это время, и в конце концов не выдержал и пришел сюда? Глупость. Но он все-таки смог меня удивить. Поразил своим красноречием. Поставил слова так, что театральность исчезла.

Маски бывают разные. Как бы то ни было, сквозь них всегда проглядывает истинный лик владельца, ведь не существует масок, способных скрыть все. Дядюшка был превосходным лжецом, и единственной лазейкой для меня стали его глаза.

Хватило одного взгляда, чтобы понять, какая тварь скрывается за созданной им иллюзией. Его глаза были мертвыми – холодными, равнодушными, жесткими, с изредка проскальзывающей злостью или раздражением. Посмотри родители в них хоть раз, они тут же обо всем догадались бы.

Дядюшка притворялся с чувством, получая удовольствие от происходящего – играл роль идеального постояльца, помогал матери по хозяйству, вел светские беседы с отцом, гонял машинки с моим младшим братом, так что вскоре родители начали ставить его мне в пример. Я усмехалась и удалялась в комнату, игнорируя несущиеся в спину претензии, суть которых отражало одно слово – «неблагодарная».

Незванный гость, а точнее, новый жилец, не поладил только со мной. До него быстро дошло, что я вижу его насквозь. Как-то раз, когда я хотела высказать родителям все, что думаю, и убедить их выгнать его вшаей, он приложил палец к

губам, покачав головой. И я промолчала.

Спустя два месяца после его приезда скончался дедушка, их с матерью отец. Согласно завещанию, квартира, где мы жили с самого моего рождения, полностью отходила его сыну, то есть дядюшке. Счастью того не было предела, и тут-то он и продемонстрировал свою истинную суть: на следующий же день приказал нашей семье выметаться из *его* квартиры, указав пальцем на дверь. Отец был в шоке, мама в ужасе, младший брат ничего толком не понимал.

Разумеется, родители боролись, говорили, что он поступает не по совести, но для него это не имело значения. История закончилась тем, что в один прекрасный день мы обнаружили свои вещи на площадке возле лифтов. К счастью, мы смогли найти пристанище, где провели еще около месяца, прежде чем отец купил новые апартаменты в маленьком городке.

Особой радости от переезда я не испытывала – не хотела покидать столицу. В ней невозможно почувствовать себя одиноким, даже сидя в четырех стенах. Где бы ты ни находился, ты – часть системы, гигантского муравейника. Ты – одна из игл на спине ежа, один из палых листьев на земле поздней осенью. Чувствуешь, что рядом с тобой никого нет? Просто открой окна, и множество голосов докажет обратное. Столица кипит, ее жизнь непрерывна, она бессмертна, как птица феникс – порой сгорает, но снова восстает. Есть период упадка, период подъема, но, что бы ни происходило, она

всегда раскинет над тобой крылья.

Однако родители и братец были рады. Мама постоянно твердила что-то про отдых от шума и чистый воздух, отец молча кивал и бурчал про долгожданный шанс отделаться от придиричивого начальства, а брат вслух мечтал о том, как будет прыгать в озеро, цепляясь за привязанную к дереву веревку.

Переезд показался дорогой, сотканной из лунного света, прокладывающей путь из одной Вселенной в другую. Вспомнились чертежи с доски на уроке физики – твердая поверхность и расположенные на ней два физических тела, шарик размером с кулак и другой, побольше, где-то с три человеческие головы. Мы ехали шесть часов, и все это время я в деталях представляла, как большой шар выплевывает нас, а маленький открывает пасть и дрожит в предвкушении, когда же нас можно будет поглотить и присвоить себе.

С одной стороны, я давно хотела изменить что-то в своей жизни, с другой – мне было боязно расставаться со всем привычным – гулом исполинского города, родной комнатой с обклеенными рисунками стенами и ящиками, которые были забиты исписанными черной гелевой ручкой листами. Не хотелось расставаться даже с подначками одноклассников, ведь всегда знаешь, чего от них можно ожидать, а тут впереди лишь неизвестность, которая может оказаться еще более мерзкой, чем то, что осталось позади.

Новая квартира уступала старой по всем параметрам – бы-

ла раза в два меньше, дизайн поднимал к горлу горьковатую волну отвращения, а неприлично тонкие стены пропускали каждый звук, так что уединиться без наушников не представлялось возможным. Моя комната разнилась со старой довольно ощутимо, но я бы соврала, заявив, что это плохо. В той спальне маленькое окно напоминало дыру в средневековой тюрьме. Эта, хоть и проигрывала по размерам, окна имела огромные и находилась с темной стороны здания, так что солнце не беспокоило ни утром, ни днем, ни вечером. Также имелся шкаф во всю стену – с зеркальными дверьми, так что собственное отражение можно увидеть отовсюду. Жутковато для того, кто боится монстров из Зазеркалья, но я подобным недугом никогда не страдала, даже в самом раннем детстве – как говорится, я повелитель своих монстров, и они меня стерегут.

В первую ночь мне никак не удавалось заснуть: мешала тишина за окном и роящиеся мысли о том, какой будет новая жизнь. То, что она будет другой, было ясно и так – больше нет столицы, есть только маленький городишко с населением тридцать тысяч человек. Но какой именно будет новая жизнь? Приятнее прежней или тяжелее, такой, что взвоешь?

Нет, я не трусила. Беспокоилась, строила версии и предположения – это да. В основном насчет школы – с прошлой у меня не сложилось, с первого класса меня записали в изгой, и с каждым годом колкости становились все более изощренными. Из-за этого я ее и недолюбливала, хотя от учебы полу-

чала удовольствие. Оставалось надеяться, что здесь удастся держаться особняком, и меня никто не станет трогать.

Сообщили, что приходит мне следует после новогодних каникул, а не через два дня, как планировалось изначально, в самый последний момент, и отец долго ворчал по этому поводу – до переезда он занимал весомую должность в компании и привык ко вниманию, восхищению, уважению, а здесь его никто не знал. Отца приняли на руководящую позицию в местной сети супермаркетов, однако это и рядом не стояло с его прежним занятием.

Несмотря на неожиданность, весть о переносе первого учебного дня не могла не радовать – шутка ли, час мучений откладывается чуть ли не на две недели! Видимо, кто-то свыше сжалился. Однако момент истины надолго не оттянешь. Зимние каникулы пролетели быстро и бессмысленно.

С утра в понедельник я не чувствовала ничего, кроме легкой досады. В воображении возникали картины того, что меня ждет – представление одноклассникам, когда на тебя смотрят тридцать пар глаз, сначала с любопытством, а затем и с насмешливым презрением, поддеванием и оскорблением, в первую пору не такими уж обидными, но постепенно набирающими обороты. От мысли, что мне снова придется сидеть в душном классе с людьми, вызывающими отвращение, и слушать гул их голосов, начинало подташнивать.

Радости оттого, что через двадцать минут нужно выходить, не прибавляло также то, что форма в новой школе обя-

зательна – как-никак, гимназия, куда отец пристроил меня связями и кошельком, и за что, разумеется, я должна была биться челом в благодарности. Ходить я привыкла в черной одежде; футболки, джинсы, блузки, кофты – все одного цвета. Здесь же родители выдали комплект, удовлетворяющий всем требованиям учебного заведения, куда входила повседневная темно-синяя форма, «выходная» для мероприятий и спортивная. Протесты на корню пресекла мама: «Если бы не папа, прожигала бы ты свои таланты в среднеобразовательной шараге, а тут – частная гимназия! Учись».

Блузка, застегнутая на все пуговицы, давила на горло, ткань приходилось оттягивать пальцем, чтобы глотнуть воздуха; брюки оказались длиннее, чем требовалось, пиджак – широковат в плечах.

– Ия, ты готова? – окликнула мать, и я, окончательно решив, что в пятницу отдам вещи в ателье, вышла из комнаты, прихватив портфель. Да уж, радушное приветствие точно окажут... хорошо, если тухлыми яйцами не закидают.

На кухне братец-монстр, наполовину одетый, орал что-то, размахивая испачканной в каше ложкой. Мама, как всегда с самого утра облаченная в строгое платье, старое и потертое, а потому использовавшееся только в качестве домашней одежды, с уложенными золотыми локонами и красной помадой на губах, кричала что-то ему в ответ. Отец молчал, величественно восседая на стуле со спинкой, как всегда погруженный в газету.

– Доброе утро, – буркнула я.

Мама кивнула, папа не отреагировал, брат замолчал, гордо вздернув веснушчатый нос и отвернувшись к тарелке. Я залила хлопья молоком – завтракали мы молча.

– Кто нас отвезет? – уточнила я.

– Ты поедешь с папой, – ответила мама.

– В таком случае, следует поторопиться, если не хотим опоздать.

* * *

Как и ожидалось, мы едва успели – отцу приспичило взять плеер, которым он не пользовался больше двух месяцев. Тот, поцарапанный и разряженный, обнаружился в коробке со старыми проводами. К счастью, имелась возможность зарядить его в машине. В противном случае отец отправил бы меня идти пешком, а сам караулил, когда же в верхнем правом углу гаджета появятся «100 %».

Он притормозил у самых ворот:

– Выбирайся скорее, а то за нами десяток машин. Не трать чужое время.

– Сама любовь и забота, – прошипела я, вываливаясь из салона.

Машина резко стартанула, и меня окатило грязью из-под колес. Дыхание перехватило от неожиданности – брюки прилипли к ногам, от холода по спине пробежал табун мурашек.

От возмущения я едва не задохнулась и еле отошла на тротуар.

Превосходное начало, не так ли? Теперь издевок или, по меньшей мере, косых взглядов и усмешек в кулак не избежать.

Ну да не привыкать. До выпуска два года осталось, не так уж много.

Я деловито оглядела испачканные брюки. Оттирать бесполезно, спасет только стирка. Но где найдешь стиральную машинку в школе? Придется делать вид, что все в порядке, это задумка дизайнера, и надеяться, что ткань высохнет в ближайшее время – отвратительно скукожившись, зато не клейко приставая к коже.

Голубая табличка, прикрепленная к высоким воротам с железными прутьями, гласила, что открываются они в половину восьмого утра по будням и в восемь по выходным. Сама гимназия выглядела обычно: белое трехэтажное здание, по периметру кусты со снежными шапками, скрывающими сухие ветви. Все до боли напоминало прежнюю школу, и надежды на перемены растворились в воздухе, как сигаретный дым. Раз внешнее сходство такое очевидное, значит, и с психологическим будет так же.

Первый этаж пришелся по душе – стены приятного светло-зеленого цвета, белый пол, огромная гардеробная напротив входа, возле которой столпились ученики, справа – доска с объявлениями, слева – пустующий пост охранника.

Свет казался абсурдно-ужасным, как в низкобюджетном фильме ужасов – должно быть, из-за крошечной тьмы за окном, делающей его жестким и искусственным.

Нужно было пойти к секретарю – я понятия не имела даже, в какой класс зачислена, не говоря о расписании. Где находится нужный кабинет, я тоже не подозревала, и решила сначала сдать тяжелую верхнюю одежду, а потом спросить у какого-нибудь учителя, наверняка дежурившего по этажу.

Я практически дошла до гардероба, прежде чем поняла, что меня окружает гробовая тишина. А ведь буквально двадцать секунд назад в воздухе гудели десятки, если не сотни, тембров. Меня передернуло – слишком много народу. Тридцать пар глаз нового класса ничто по сравнению с этим. Чувство, что стоишь на сцене в концертном зале в свете софитов. Я не любила находиться в центре внимания, и меня едва не стошнило на месте – склизкие взгляды оценивали, любопытные.

Я уже начала думать, что хуже быть не может, но ошиблась – ситуация усугубилась, когда какая-то девушка прощелкала:

– Это ты та самая новенькая в десятый?

Еще ни разу в жизни я не попадала в подобную ситуацию, а адаптироваться и импровизировать не умела, поэтому растерялась. В голову ничего не шло; чтобы не стоять, как рыба, выброшенная на берег, выпалила:

– Да, именно.

Какой-то парень закинул руку мне на плечо:

– Наконец-то, мы уж заждались! Хоть какое-то разнообразие! Я думал, до самого конца буду в одном классе с одними и теми же придурками. Ты же к нам, верно?

– Эм... я еще точно не...

Рядом возникла невысокая девушка с копной рыжих волос в конском хвосте и беспардонно схватила меня за запястье, просверлив парня злым взглядом:

– Заткнись, Гери! Она будет с лисами!

– С чего бы, Арлекин? – оскалился парень. – Эй, новенькая, ты же не думаешь пойти к хитромордым?

Я вообще не понимала, о чем толкуют эти странные люди, и чувствовала себя неудобно: во-первых, стоило мне зайти в школу, все повели себя так, будто восьмое чудо света узрели. Во-вторых, почему эти двое говорят так, будто я должна сама выбрать, с кем учиться, при чем тут лисы и почему у них такие странные имена?

– Иди к волкам! – посоветовал кто-то. Я вопросительно вздернула бровь – куда?

– К лисам! – воспротивились с другой стороны коридора.

– К волкам!

– Лисы!

– Волки!

– Лисы!

– Волки!

Толпа словно разбилась на части: все кричали невпопад.

Порыв самой гаркнуть так, чтобы все вокруг замолкли, нарастал. К счастью, кто-то сделал это за меня:

– Хватит надрываться, чайки недобитые!

Удивительно, но школьники тут же захлопнули рты. Я даже подумала, что сюда направляется учитель, но ошиблась – сквозь толпу пробивался парень в ученической форме.

– Она же не в курсе!

Народ стушевался, и парень вывалился на свободный участок пространства, тяжело дыша. Лицо его походило на лисью мордочку – черты такие же заостренные, но мягкие, а глаза миндалевидные, с хитрым блеском.

– Нарываешься, – прорычал Гери.

– Я? – театрально изумился парень. – Как ты вообще мог так подумать. За кого ты меня принимаешь?

Гери заскрипел зубами – будто дикий зверь готов в любую секунду рвануть вперед и перегрызть глотку.

– Раз ты такой тихий, дуй в туман.

Незнакомец усмехнулся:

– Сперва отпусти девушку. Запугал бедняжку до смерти.

Мы с Гери случайно переглянулись.

– Ты так в этом уверен? – вскинул бровь он. – Я вот что-то не замечаю.

– Я вижу то, что вижу, а значит, оно действительно есть. Эй, девонька, этот серый тебя напугал?

Гери развернувшееся действие окончательно доконало:

– Прикуси язык, лис, и, возможно, я не сломаю тебе че-

люсть.

«Лис» сделал несколько шагов вперед, улыбнувшись немного напряженно:

– На меня не действуют настоящие угрозы. А твои и вовсе пустые, – и скинул чужую руку с моего плеча.

Я кожей почувствовала вспыхнувшую ярость Гери и отошла в сторону, встав рядом с рыжей девушкой. Как оказалось, не зря.

Лицо Гери налилось краской, кулаки опасно сжались, он шагнул в сторону парня с фенечками и замахнулся. Тот сразу же отшатнулся:

– Воу-воу-воу, мрачный волк, полегче, давай без рукоприкладства! Не думаю, что твоя кровь на полу и стенах так эстетична, что...

Школьники застыли в ожидании драки. Они практически не дышали, подавшись вперед. Жаждой зрелищ они напоминали римлян в Колизее. Казалось, вот-вот растянут губы в животных оскалах, обнажат клыки и призывно взвоят, требуя схватки.

Кулак Гери полетел вперед. Школьники возбужденно охнули, в воздухе зависло ликование. Однако его противник ловко уклонился и грациозно отскочил – оттанцевал – прочь. И хлопнул в ладоши:

– Промазал!

Атмосфера раскалилась до предела. Общий мандраж захватил и меня – стало интересно, чем же все закончится.

Гери высокий и очень сильный. Рядом с ним парень с фенечками кажется щуплым слабым воробьем подле сокола. А Гери распалился не на шутку – он двинулся на соперника. Тот хитро прищурился и принял неустойчивую позу, чтобы быстро метнуться в сторону в подходящий момент.

Совість умоляла встать между ними и остановить беспредел. Однако драке свершиться было не суждено и без моего участия – рыжая девушка молнией юркнула на «поле боя»:

– А ну-ка хватит, мы не на ринге! Если так хочется набить друг другу физиономии, сделаете это после занятий где-нибудь подальше отсюда!

Школьники выдохнули, на сей раз разочарованно. Огненный дух жажды крови испарился, словно его не существовало. Истинные звериные сущности вновь скрылись за человеческими ипостасями, приличными, выражающими полную готовность прийти на помощь. Парень с фенечками, похоже, ничуть не жалел о повороте событий в мирное русло. Он даже не шевельнулся, так и стоял с легкой улыбкой, будто ничего не произошло, а вот его противник кипел не хуже извергающегося вулкана. Он молча развернулся и, гаркнув на какого-то очкарика, нырнул в толпу школьников. Однако его черная макушка возвышалась над всеми, и его нетрудно было отследить.

Рыжая, подождав, пока он скроется за углом и поднимется по лестнице на второй этаж, подбодрила:

– Чего стоите? Спектакль отменяется!

Школьники, недовольно шепча что-то себе под нос, медленно разбрелись по этажу. Некоторые сбивались в группки, чтобы обсудить то, чему стали свидетелями, другие шли по своим делам. Все это время я, девушка и парень с фенечками наблюдали за распадом толпы на самостоятельные организмы.

– Это было грубо, – авторитетно заявила рыжая, когда мы остались одни у самого входа. Точнее, почти одни – временами мимо пробежали «поздние» ученики, задувающие в помещение уличный холод.

– А как по-другому? – пожал плечами «лис».

– Можно было бы и не провоцировать его. Если бы не я, вы бы точно друг друга покалечили.

Он вдруг потрепал ее по голове:

– Ну, ты же нас остановила. Умница!

Она нервно хихикнула, повернувшись ко мне:

– Вот что я получаю за его спасение – даже не «спасибо». Никакой благодарности.

– Она у меня специфическая.

Меня так и подмывало последовать примеру Гери – развернуться и уйти. Найти, наконец, кабинет секретаря и спокойно отправиться на урок. Хотя вряд ли «спокойно» – меня, косвенную причину чуть не начавшейся драки, едва ли забудут так просто. Наверняка назовут «яблоком раздора»...

Не успела я опомниться и вынырнуть из пучины безрадостных мыслей, как девушка хлопнула меня по плечу:

– Эй, а ты чего такая хмурая? Все же хорошо закончилось.

«Еще ничего не закончилось», – подумала я.

– Ни капли я не хмурая.

– Хмурая, хмурая, – протянула она. – Я Арлекин из лисов, это, – она указала на парня, приветливо помахававшего мне рукой, – Пак, он тоже лис.

Арлекин – как комедия дель арте? Пак – как дух из английского фольклора?

– Ия, – представилась я. Впервые в жизни собственное имя показалось тусклым.

– Нет, – хихикнул Пак. – У нас нет имен. Мы здесь носим прозвища. У тебя есть прозвище?

Да, народ в этой школе с приветом. То какие-то лисы, то волки, а теперь еще и отсутствие имен.

– Нет.

Арлекин щелкнула пальцами:

– Тогда надо его придумать! Сейчас я что-нибудь сгенерирую.

Она напряглась. Урок начинался через семь минут, а я по-прежнему понятия не имела, куда податься – подумала броситься наутек, но меня остановил Пак:

– Она мастер на прозвища. Ей одного взгляда хватит, чтобы определить, какое самое подходящее.

– Эврика! – щелкнула пальцами Арлекин. – Ты знакома со скандинавской мифологией?

– Примерно.

В детстве увлекалась с подачи бабушки, контакт с которой утратился много лет назад. Кажется, она поскандалила с родителями, и те запретили ей общаться со мной и братом. Не знаю, что с ней сейчас – ей бы уже исполнилось восемьдесят семь.

Арлекин расцвела:

– Ты будешь Хель! Помнишь, кто такая Хель?

– Дочь Локи, владычица мира мертвых.

– Мрачная Хель? – хмыкнул Пак. – Красноречиво.

Арлекин фыркнула:

– Решено! Тебе же нравится?

Мне, честно говоря, было не до выбора – прозвище никому да не убежит, а вот учителя ждать не любят. Зарекомендовать себя как безответственную ученицу, опаздывающую в первый же день, я не хотела, мне хватило и засветиться перед школьниками. Поэтому я, лишь бы отделаться, кивнула:

– Вполне.

Она задохнулась от возмущения:

– И это все?!

Пак, едва сдерживая смех, выдавил:

– Ей просто нужен часок-другой, чтобы оценить твой шедевр в полной мере.

Внезапно раздалась громкая трель – судя по всему, звонок на занятия. Пак чертыхнулся:

– Сейчас же физика! Я побежал, всем пока! Очень приятно познакомиться, еще встретимся! – и, пожав мне руку на

прощание, сорвался с места.

Арлекин, чуть ли не прыгнув на меня, сказала:

– Перестань корчить из себя зрителя кладбища. Ты в десятый класс, да? Я тоже в десятом! Ты определилась, к кому пойдешь? Ну, к нам или к серым?

Я ступевалась. Она несколько секунд смотрела на меня, а потом разочарованно вздохнула:

– А, так ты еще не знакома с нашими порядками... – однако жизнерадостность тут же к ней вернулась. – Пойдем со мной на физкультуру, буду тебя просвещать. Форму у учительницы возьмешь, у нас там целый шкаф запасной одежды, так что можешь умыкнуть что-нибудь на день. Шумахер какой-нибудь окатил?

Ага, местного разлива.

* * *

Гимназию я представляла как тюрьму: снаружи чистая, в лучшем свете, а внутри – выкрашенные в отвратительный болотно-зеленый цвет стены, вызывающие ассоциации с психиатрической лечебницей, узкие коридоры и облупившаяся штукатурка. Пространство у входа должно было бы переубедить, но оно не показатель. Однако пока Арлекин вела меня к спортзалу, школа приятно поразила крупными окнами, белыми жалюзи, пропускающими солнечный свет, приглушенный серыми зимними тучами, ровным слоем краски на пе-

рилах. Образцово-показательно.

Пока я восхищалась ремонтом, Арлекин поясняла местные правила. При этом она одной рукой держала меня за запястье, что несколько раздражало, а другой бурно жестикулировала:

– В общем, у нас тут такая ситуация – все ученики разбиты на два... эм... ну, назовем это лагерями. На два лагеря – «лисы» и «волки». Учимся мы раздельно, но пересекаемся на переменах и спортивных мероприятиях. Изредка – на физкультуре, когда занятия совмещенные, но параллели не тренируются вместе: допустима только пара старший-младший. Если выбираешь лисов, становишься заклятым врагом волков, и наоборот. Лично я надеюсь, что ты пойдешь к нам, потому что волки – те еще скотины. Помнишь Гери? Вот они все такие – качки без чувства такта, и девушки у них им под стать. Так как ты у нас не с пятого класса, когда распределяет специальная комиссия, а с десятого, тебе предоставляется выбор. По этой схеме ты сразу должна погрузиться в школьную среду и решить, к кому пойдешь. Так как я первая твоя знакомая, будешь пока у нас, лисов, но ты имеешь право посещать и занятия волков. Лишь до того момента, как определишься! Кроме того, у нас нет имен – в стенах школы мы зовем друг друга по прозвищам. Так, что еще... ах да, сегодня у нас только физкультура и классный час.

Тараторила она с такой скоростью, что информация воспринималась с трудом, но основное я уловила и в очередной

раз поразила тому, как необычно тут все устроено. Хотя, может, это и к лучшему – кое-какое разнообразие. Миниатюрное приключение.

Мы поднялись на второй этаж, и на меня тут же уставилось не меньше десятка глаз. Стало неудобно, и я опустила голову. Арлекин не обращала внимания на сгустившуюся толпу и упрямо шла вперед, не отпуская мое запястье. Тут и там тихо перешептывались. К моему удивлению, она минула большую дверь и подошла к маленькой, находящейся рядом. Постучала несколько раз и просунула голову внутрь:

– Здравствуйте, можно?

– Конечно, – раздался в ответ молодой голос.

Арлекин поманила меня, и я покорно шагнула следом в небольшую, но уютную приемную. За длинным столом, заваленным бумагами и канцелярскими принадлежностями, женщина лет тридцати пяти в спортивной форме заполняла бланки.

– Извините за беспокойство, Марина. У нас новая ученица, – бойко отрапортовала Арлекин.

Учительница одарила меня теплой улыбкой:

– Поздравляю! Такая редкость, чтобы кто-то приходил в старшие классы. Тебе уже выбрали прозвище?

Я замялась, но быстро сориентировалась:

– Да. Хель.

– Красиво. Я Марина. У тебя есть форма, Хель?

Говорить с ней было легче, чем с учителями, с которы-

ми я пересекалась прежде. Марина производила впечатление доброго человека, которому можно доверять. Про себя я тут же занесла ее в список тех, с кем можно поладить, сразу после Арлекин.

– Не знала, что сегодня тренировка. Прошу прощения.

В два шага преодолев разделяющее нас расстояние, она похлопала меня по плечу, отчего стало немного тошно:

– Не извиняйся, в первый день в этом нет ничего страшного, но в будущем постарайся не забывать. Пока я дам тебе комплект, позанимаешься в нем.

Я бы предпочла, чтобы Марина отпустила меня, а не стискивала словно в попытке не позволить мне сбежать. Я украдкой обернулась к Арлекин. Та подбодрила меня кивком.

Марина открыла дверь в углу кабинета, подтолкнув меня вперед. Внутри оказалось темно, пахло пылью и старыми вещами. Щелкнул выключатель, и в помещение выплеснулся искусственный свет одной-единственной лампочки. Пространства здесь было мало, едва поместятся двое, вдоль стен стояли стеллажи со всякой всячиной – мячами, скакалками, шашками, шахматами, воланчиками, ракетками для бадминтона и настольного тенниса, лентами для художественной гимнастики и прочими спортивными принадлежностями. Отдельную полку занимали аккуратные стопочки одежды.

– Какой у тебя размер? – деловито осведомилась учительница.

Я ответила. Она подцепила одну из стопок и вручила мне. От нее резко отдавало спортивной магнезией.

– Арлекин проводит тебя до раздевалки. Как прозвенит второй звонок, спускайтесь вниз.

Я уже практически кивнула, как услышала Арлекин:

– Совсем забыла. Хель на улице грязью окатили, не могли бы вы одолжить ей что-нибудь на день?

– Оставь себе спортивные штаны, – разрешила учительница. – Когда будешь на классном часе, поясни ситуацию руководителю, но не думаю, что возникнут проблемы. В крайнем случае, – она задорно подмигнула, – совершь, что вообще не знала про форму.

– Да, конечно. Спасибо огромное, – чуть ли не поклонилась я.

– Спасибо, – и Арлекин снова беспардонно потащила меня куда-то. Возмущаться, судя по всему, не имело смысла.

Раздевалка находилась этажом выше. Пришлось подниматься по крутым ступенькам. Не будь перил – ходила бы с разбитым подбородком, так легко на них было споткнуться. Оранжевые стены исписали и изрисовали всем, чем можно – от простой ручки до масляных красок, на приземистых лавочках лежали разбросанные вещи, пол чуть вздымался, а законопаченные окна выглядывали на восток.

В нос ударил запах концентрированного пота с примесью дезодорантов, духов и блесков для губ. Арлекин скривилась, поспешно выудила из бокового кармана сумки какую-то кол-

бочку, и по помещению развеялся приятный клубничный вкус.

– Вонь – единственная причина, по которой не люблю здесь зависать, – поведала девушка, без всякого стеснения скидывая футболку. – А так тут прикольно.

Я промычала нечто утвердительное.

В прошлой школе в женской раздевалке я переодевалась в туалете, запираясь на щеколду. Одноклассницы не оставляли попыток довести меня до белого каления. Позже, когда они поняли, что выуживать меня из уборной без грубой силы бесполезно, начали биться в двери. Выходила я только после того, как они отправлялись на занятия, поэтому частенько опаздывала.

Здесь вместо туалета была закрытая дверь, поэтому спрятаться оказалось негде. К счастью, Арлекин болтала о чем-то, отвернувшись к окну, и явно не нуждалась в слушателе, поэтому у меня появилась возможность забиться в угол и там переодеться. К счастью, форма пришлась впору.

– Тебе нужны кроссовки. Какой размер? – спросила вдруг Арлекин, на цыпочках подтягиваясь к прибитой почти под потолком полке, на которой в ряд стояла обувь.

Я автоматически сказала.

– О, вижу, тут как раз есть! Лови!

Она подцепила за шнурки пару серых кроссовок, и те дугой прилетели аккурат мне под ноги.

Каким-то невообразимым образом мы успели зайти в

спортзал еще до звонка.

В нашем старом зале совмещалось несколько классов – узкое пространство, в котором опасно даже выполнять норматив с «козлом», мало ли, подпрыгнешь слишком высоко и ударишься головой о потолок. В зале гимназии же поместилось бы три таких помещения из прежней школы. Пол расчерчен для спортивных игр, с определенным интервалом по периметру расставлены баскетбольные корзины. По правой стороне – скамейки, где ученики громко разговаривают друг с другом, пока не начался урок.

Как только мы с Арлекин приблизились к ним, они все как один посмотрели на меня. Заметив мою заминку, Арлекин дернула меня к себе, так что я приземлилась на скамейку рядом, и прикрикнула:

– Чего уставились?

Все тут же смущенно отвернулись и принялись переговариваться, но уже ощутимо тише и, очевидно, на тему незнамо откуда объявившейся новенькой.

– Не волнуйся. Они быстро привыкнут, если дашь им шанс и не уйдешь к волкам.

Я промолчала. Трудно выбирать, зная о школе только ее базовое устройство, да еще и когда находишься в незнакомой среде один день. Раз здесь такая странная организация обучения и существования, должно быть множество мелких нюансов, которые необходимо учитывать при принятии решения. Арлекин пояснила основы, но их недостаточно для

того, чтобы судить объективно, кто лучше – лисы или волки. Да и отличаются ли одни от других? Есть ли смысл в разделении?

Пожалуй, стоит узнать, по какому принципу пятиклассников распределяют по «лагерям», проанализировать собственные способности и сравнить их с существующими требованиями. Я уже хотела задать вопрос Арлекин, но раздался громкий свисток, и в зал вошла учительница.

– Ста-а-ановись! – скомандовала она, и школьники тут же гурьбой засеменяли к прочерченной на полу белой линии и принялись выстраиваться в линейку, пихая друг друга и подшучивая. Арлекин даром времени не теряла – расчистила местечко для нас обеих, взглядом приструнив двух возникших было красавиц.

– Здравствуйте, – приветливо произнесла Марина.

– Здра-а-асте! – хором выкрикнули ученики. Под потолком прокатилось эхо.

– Вы, наверное, уже знаете, что у нас появилась новенькая. – Она с улыбкой посмотрела на меня. Я рефлекторно выпрямила спину и расправила плечи. – Ее зовут Хель. – Как непривычно, но интересно звучит. – Этот урок она проведет с вами и, быть может, вы переманите ее на свою сторону, лисята. Не задирайте девочку. Сегодня мы проведем разминку, сделаем стандартные упражнения, а потом поиграем в вышибалы.

Одноклассники восторженно взвыли. Похоже, вышибалы

здесь – любимая игра. В старой школе болели баскетболом.

– А сейчас – на-а-аправо, шагом марш!

Все дружно исполнили приказ. Я не успела среагировать, и меня повернула Арлекин, крепко сжав плечи, и она же подтолкнула вперед.

Шеренга прошла вдоль стены примерно ползала, прежде чем Марина дала задание:

– Бегом, пятнадцать кругов!

Красные пятна перед глазами поплыли от одной лишь команды. Никогда не отличалась развитой физической формой; могла похвастать только растяжкой, оставшейся с эпохи занятий танцами, и умением обращаться со скакалкой. Бегать ненавидела всеми фибрами души, даже больше, чем отжиматься – кислорода не хватало, начинало колоть в боку, ноги ныли, и на следующее утро я не в состоянии была встать с постели, а затем бегать туда-сюда по ступенькам в школе, вверх и вниз, вниз и вверх, и так до бесконечности.

Я бы допустила пятнадцать кругов в старом зале, хотя тогда мне и десять по нему казались испытанием. Но здесь...

Арлекин, заметившая мой ужас, попыталась утешить:

– Не бойся, беги медленно. Марина следит, чтобы дистанцию пробежали те, кто в передней части ряда, до остальных ей дела нет. Они закончат – закончат и остальные. Но лучше не останавливаться, а то получишь штрафной, и тут она с тебя глаз не спустит.

Завершив свою маленькую предупреждающую речь, она

кинулась вперед. Меня никто не ждал, и я вяло поплелась в конце, честно стараясь переставлять ноги. На танцах учили правильно дышать, но я давно забыла, как это делается, и отстала круга на полтора: тело потяжелело, в глубине легких зародился огонь. Пока еще жалкий уголек, норвящий разрастись до пожара – и это невзирая на то, что я практически шла пешком.

Вокруг хихикали и перешептывались – разумеется, я принимала это на свой счет. К щекам прилил жар. Это, впрочем, еще ничего. Могло быть и хуже. Марина могла бы ждать, пока норматив выполнят все. Я бы до финиша доползла только к концу урока. Когда она крикнула «Стоп! Шагом!», я, взмокая, с языком на плече, наматывала седьмой круг. Еще чуть-чуть, и пол принял бы меня в свои плоские жесткие объятия. К счастью, прискакавшая Арлекин – раскрасневшаяся, с растрепавшимися локонами – поддержала меня.

– Как себя чувствуешь? – весело поинтересовалась она.

– Будто слоны растоптали, – прохрипела я.

– Сколько кругов?

– Семь.

– Все пятнадцать, – подмигнула она. – Хотя, дай мне фору, получилось бы и больше. А ты молодец, ничего так, живая вроде.

Это было не пустое бахвальство, у нее бы действительно получилось. Бежала она быстро и легко, словно летела, дышала ровно и смотрела только вперед – ей это нравилось.

Поэтому я поинтересовалась:

– Ты занимаешься спортом?

Она отрицательно покачала головой:

– Нет, к сожалению, но выхожу на пробежку по утрам, до школы.

Какой нормальный человек променяет лишний час сна на необязательную тренировку?

Марина хлопнула в ладоши:

– Умницы! Встаем в круг, начинаем разминку. Стокер, вперед.

Я облегченно вздохнула. Значит, Марина не из тех, кто проверяет способности новеньких по полной программе на первом же занятии. Какая удача!

В центр круга вышел невысокий парнишка, настолько худой, что, казалось, вот-вот растворится в эфире, и флегматично сообщил:

– Начнем с шеи.

Под мерное «раз, два, три, четыре» прошло минут пять. Разминку парнишка проводил с толком, с чувством, с расстановкой и предложил столько вариантов упражнений, что даже я взяла парочку на заметку, чтобы расслабить плечевые суставы после рисования. За эти пять минут удалось немного передохнуть. Правда, после этого я ощутила, что больше не заставлю себя и пальцем шевельнуть. Однако не особо расстроилась – вышибалы мне никогда не нравились. Гораздо больше удовольствия получишь, наблюдая за ходом игры со

стороны.

– Разбиваемся на команды! Чтобы было поровну, кто-то один должен сесть.

Я с готовностью вскинула руку.

– Уверена? – усомнилась учительница. – А то показала бы, на что способна.

– Мне не очень хочется, правда.

Одноклассники зашелестели уважительным: «Да она нормальная, нет?» Вот, считай, убила двух зайцев разом – и перенапряжение не заработаю, и коллектив к себе расположу.

Весьма кстати зал на две половины разбивала белая линия; одну заняла первая команда, другую – вторая. Марина подкинула мяч.

Не знаю, существуют ли соревнования по вышибалам, но если да – эти ребята одержали бы на них победу. За мячом было не уследить: он молниеносно летал из одного угла зала в другой, и вскоре я потеряла нить происходящего – кто-то «уходил в плен», кто-то возвращался, кого-то сбивали. На мгновение показалось, что класс не такой уж и плохой – вроде бы дружные, а то, что меня не принимают – не проблема. Совершенно неудивительно: люди не любят, когда устоявшийся порядок неожиданно нарушает что-то незваное, и стараются подавить нарушителя спокойствия, дабы вернуть все в прежнее русло.

Иногда Арлекин, отвлекаясь, махала мне рукой.

Марина стояла возле окна и периодически дула в свисток.

Звук изводил визгливостью, поэтому я сразу заметила, когда он прекратился. Игроки не обратили на это внимания, а я автоматически принялась искать учительницу. Она обнаружилась у больших дверей, беседующей с каким-то парнем. Он явно еще учился в школе, скорее всего, в одиннадцатом и, судя по довольному выражению лица Марины, претендовал на статус ее фаворита. Высокий, сильный, так и представлялся в баскетбольной форме.

Я засмотрелась, однако вопли «лисов» услышала. Резко обернулась и поняла, что мяч устремился в сторону Марины – если достигнет цели, попадет ей прямо в голову.

Признаться, я сама не очень поняла, что собралась делать. Кто-то будто пихнул меня в спину, и я неожиданно для себя самой рыбкой кинулась вперед. Как раз в тот момент, когда снаряд летел мимо. Руки схватили его в воздухе, я упала и по инерции прокатилась по полу. Ладони закололо и, похоже, я отбила правое бедро, на которое неудачно приземлилась. Но сильнее всего болело плечо.

Одноклассники засуетились.

– Все нормально, – механически простонала я, с трудом поднимаясь. Боль постепенно отступала, и это позволяло предположить, что обошлось без травм.

– Вот это перехват! – воскликнул какой-то парень. – Новенькая, ну ты даешь! Пасани!

Я огляделась. Перевела взгляд на Арлекин.

– Это был очень хороший перехват, – похвалила Марина.

Я не была в этом столь уверена, и все же зашла в зону команды, на половине зала которой оказалась, и кинула мяч.

* * *

Из здания школы я буквально вывалилась. Точнее, меня вынес наружу поток счастливых школьников, радующихся тому, что учеба, наконец, закончилась. Они громко переговаривались, строили планы на следующие три месяца и искали, где бы отпраздновать долгожданную встречу с одноклассниками. То, что они действительно скучали друг по другу во время каникул, меня по-настоящему поразило. В старой школе никто ни о ком не тосковал – были, разумеется, те, кто общался между собой, но особых всплесков эмоций мне наблюдать не доводилось.

Разумеется, на меня всеобщее дружелюбие пока не распространялось. «Пока» – потому что не составляло труда понять, что при сложившихся обстоятельствах меня примут, дабы не породить лишние конфликты, и будут относиться если не тепло, то нейтрально. Одноклассники не будут воротить носы, демонстрируя, что я – пустое место и совсем им не нужна. Скорее, они попросят о помощи, если та понадобится, а в остальное время будут либо не замечать, либо ограничиваться приветствиями. Если повезет, удастся установить с кем-то контакт. Хотя я бы и без него чувствовала себя вполне комфортно: когда ты просто существуешь и тебя

никто не трогает – не это ли счастье?

Также не могло не вдохновлять и то, что, кажется, мне удалось расположить к себе новый класс, пусть и довольно нестандартным способом. Я-то думала, если и нравится кому-то, пусть и на уровне «ох, а это может пригодиться», то благодаря уму и эрудиции, а оказалось, есть и другой путь.

Вставая на позицию в принявшей меня команде, я нервничала – во-первых, мои умения в игре ограничивались исключительно уклонами от летящего снаряда; во-вторых, я быстро выдыхалась; в-третьих, чувствовала себя неуютно среди незнакомых людей. Казалось, в самый ответственный момент ноги подкосятся, и игра закончится. Из-за меня.

К счастью, раньше мне уже приходилось играть в вышибалы; нужные движения и правила вспомнились мгновенно, я быстро втянулась и даже получила пару одобрительных хлопков по плечу.

После физкультуры Арлекин показала дорогу к классу на третьем этаже. Удивительно, но и здесь все было на высшем уровне – персиковые стены, коричневый пол, тщательно вымытый и еще немного влажный. В конце коридора стояли мягкие диванчики – перед ними играли в «ножки» пятиклашки.

Сам класс, куда меня привела Арлекин, был до неприличия крупным – в каждом из трех рядов по десять парт, рассчитанных на двоих. Напротив учительского стола, заваленного бумагами, можно было увидеть ряд прозрачных шка-

фов, за чьими стеклами – глиняные фигуры, бюсты, энциклопедии по животному и подводному миру, пучки сухих листьев. Биологический кабинет: бюсты принадлежали неандертальцам, а фигурки изображали кроманьонцев. Подоконники и полки заставляли цветы, и к горшку каждого прикреплялась бумажка с названием на латыни и кратким описанием.

Я уже пошла к последней парте, заметив, что основная масса народа рвется к передней части – абсурдно после извечной войны за задние места в прошлой школе, – но Арлекин развернула меня за плечи и посадила рядом с собой.

Руководительница оказалась весьма милой женщиной лет шестидесяти. Поздоровалась с подопечными, осведомилась, как те провели каникулы, неторопливо зачитала правила техники безопасности и только под конец представила всем меня. Кто-то приветливо помахал рукой, другие легко улыбнулись и кивнули, и только несколько человек пренебрежительно уставились в пустоту – не потому, что затаили злобу или неприязнь, но потому, что их в целом ничего не интриговало.

Необходимые учебники лежали на краю парты – старые, потрепанные, у некоторых отрывалась обложка; зато от них шел умопомрачительный запах бумаги, краски, ниток и знаний. Портфель с ними уподобился пузырю. Книги в него еле удалось запихнуть, да и так корешок учебника по химии торчал сбоку. За него я волновалась больше всего – вдруг пой-

дет снег и намочит его?

Двор заполняли школьники, поэтому я оперативно сбежала по ступенькам вниз. Слава богам, мне хватило ума оставить карту города в кармане куртки, так что никуда лезть не пришлось.

Итак, я в пятом районе, нужно попасть в седьмой. Идти направо, через главные ворота...

Не успела я сделать и пару шагов, как услышала чей-то оклик:

– Эй! Подожди!

Казалось, окликают меня, но я здесь никого не знала, кроме Арлекин и того странного парня-лиса из одиннадцатого, а голос не принадлежал никому из них. Поэтому я с чистой совестью продолжила изучать карту, двигаясь к воротам и надеясь, что не собью никого и никто не собьет меня.

– Да стой же!

На плечо опустилась тяжелая рука. От неожиданности я вздрогнула и отшатнулась. Портфель перевесил, и я опасно накренилась, однако столкновения не случилось: меня подхватили, как котенка – за ляжку сумки.

– Прости, что напугал. Ты, видимо, не поняла, что я тебя звал.

Глаза поднимать было жутко стыдно, но я преодолела себя. Рядом стоял гипотетический любимый ученик Марины.

Смотрел он страшно. Прямо и хищно, так что плечи сами собой передернулись, и пришлось замаскировать это под

зьябкое поеживание от порыва ветра. Стой мы не посреди школьного двора, а в подворотне, я была бы уверена, что он намерен меня убить. Не хватало только ножа.

– Тебя как зовут? – грубовато спросил он.

– И... то есть Хель.

Он протянул мне руку:

– Изенгрин, одиннадцатый класс, волк. Именно так у нас принято представляться, в таком порядке. На будущее.

Я не рискнула игнорировать рукопожатие:

– Приму к сведению. Хель, десятый класс... э-э-э... не определено?

– Ты сегодня занималась с лисами?

И чем я обязана такому вниманию?

– Понравилось?

Что на это отвечать? Скажу «хорошо», он обидится, а о последствиях думать не хочется; если «плохо» – меня начнут разрывать между двумя «лагерями», а это перспектива не лестная.

– М-м-м... нормально.

– Ты могла бы попробовать позаниматься с волками. Немного другая политика ведения уроков, полезно бы было сравнить, не думаешь?

– Да, наверное, так.

Молчание длилось несколько секунд. Кажется, парень со странным прозвищем сам не знал, что ему делать:

– Я видел, как ты играешь. Весьма неплохо. Волкам из де-

сятого не помешал бы такой участник. Так что, если мы тебе больше лисов приглянемся, место в команде тебе обеспечено.

– Спасибо, учту.

Как продолжать это подобие разговора? Я созерцала снег, с трудом сдерживая желание начертить на нем что-то мыском сапога, и лелеяла надежду скорее вернуться домой. Почему-то не оставляло ощущение, будто шею стягивает кожаный ошейник с шипами внутрь. Однако, несмотря на затянувшуюся тишину, отпускать меня не хотели:

– У тебя карта. Ты же из другого города? Не знаешь, как дойти до дома? Хочешь, провожу? Только корпус скажи.

Предложение, как ни крути, неожиданное. Обманщиком он не выглядел, зато смутный горько-сладкий запах опасности витал в воздухе, и именно он не позволял ему довериться. Пришлось включать логику – сейчас день; пасмурный, но яркий, маньяки в такое время не работают. Если отказаться от помощи, велик риск плутания по городу, а это удовольствие сомнительное – можно окончательно замерзнуть за час-полтора. Так что...

– Буду благодарна, спасибо. Корпус семьсот третий.

От Изенгрина, если я правильно запомнила его прозвище, можно было ожидать что угодно. Но он не взял меня под локоть, не закинул руку мне на плечо, обойдясь без физического взаимодействия. Это располагало.

Мы уже дошли до книжного магазина метрах в ста от шко-

лы, когда он предложил:

– Давай свой портфель.

– Зачем? У тебя у самого сумка тяжелая.

– Тут идти недолго.

– Хозяин – барин...

Я стряхнула сумку, едва удержав – Изенгрин принял ее за секунду до того, как она встретилась со слякотью на асфальте. При этом сложилось впечатление, будто двойной вес его ничуть не тревожил. Я, в свою очередь, словно встала на место Атланта, сбросившего с хребта небесный свод, чтобы добыть яблоки Гесперид.

Изенгрин изредка бросал «влево» или «прямо», а я старалась запоминать дорогу – повторно меня вряд ли кто домой поведет. К концу прогулки он уже не казался столь страшным. Вел по людным улицам, даже не смотрел в мою сторону – держись он чуть поодаль, производил бы впечатление телохранителя.

Углубившись в собственные мысли, я вспомнила, что даже не подозреваю, по какому принципу учащихся распределяют по «лагерям». Арлекин в подробности не углублялась, а любопытство грызло изнутри.

– М-м-м... прости... Можно уточнить кое-что?

Волк словно вынырнул из собственного внутреннего мира:

– Да, конечно.

– Как детей распределяют по группам? Имею в виду, что-

бы попасть, например, к лисам, они должны обладать одними особыми качествами или талантами, а чтобы к волкам – другими?..

– Да, – подтвердил он. – Разница не то чтобы разительная, но есть. Если придумывать какое-нибудь поэтичное сравнение, волки – практики, лисы – теоретики, или волки – солдаты, лисы – стратеги и тактики. Среди нас, учеников, распространено такое толкование: волки – прямолинейные воюки, лисы – хитроумные лжецы. Не слишком лестно, но суть отражает. Не знаю, зачем эту систему с двумя группами создали, но это мотивирует – желаешь победить оппонента, совершенствуешься. У нас фокус на физкультуру, физику, математику и биологию, а у лисов – на литературу, языки, химию, историю. Можно утрировать, мы технари, а они гуманитарии, но это не совсем верно. Как ни грустно это признавать, в спортивных состязаниях побеждают чаще лисы – используют уловки, вроде бы нарушающие правила, но в то же время им и соответствующие. Обнаруживают лазейки. Когда зачисляют ребят в пятый класс, комиссия судит не только по оценкам, но и по чертам характера – например, к нам чаще попадают рассудительные ребята со склонностью к точным наукам и искренней верой в то, что, если идти напролом, все получится. А вот у лисов дети любят искать подтексты в литературных произведениях и проводить психологические эксперименты.

– Психологические эксперименты?

– Прочитают про обманщика и тут же начинают испытывать его трюки на ком-нибудь. Кстати, у них фокусников много, на конкурсе талантов всегда что-нибудь показывают.

У них еще и конкурсы проводятся! В старой школе ставили спектакли только в честь Нового года, Дня Победы, Восьмого марта и последнего звонка, и сделано все было из рук вон плохо, смотреть тошно – ведь из-под палки.

– А у вас кого много? – любопытствовала я.

– Если именно в конкурсе талантов – танцевальных команд и акробатов. Кстати, скоро будет еще один – посмотришь, кто на что способен. Придешь?

– Обязательно.

До конца пути мы не обмолвились ни словом. У подъезда Изенгрин вручил мне портфель, наказал обращаться к нему, если захочу побывать на уроке у волков, дежурно произнес «рад был познакомиться» и ушел. У меня словно гора с плеч свалилась – его присутствие истощало. Будто тебя норовят морально подавить.

На площадке перед входной дверью как назло вырубило свет. В квартире звенела тишина – мама наверняка отправилась испытывать местный салон красоты, брат на первом занятии по плаванию, отец на работе, а я... А я собиралась заняться личными делами. Для обеда было еще рано, поэтому я отправилась в комнату. Заперлась на щеколду, скинула тяжелую одежду, сменив ее на домашнее платье, взяла лист бумаги с ручкой и закрыла глаза. Под веками заплясали

вспышки; сознание померкло.

Через неопределенный промежуток времени я словно вынырнула на поверхность из-под ледяной воды. Часы остановились на пяти вечера. За дверью шуршал телевизор, пел брат, болтала по телефону мать. Пальцы затекли, несколько листов были исписаны вдоль и поперек, на ладонях красовались следы черной пасты.

Рассказ, выданный подсознанием, я решила прочитать потом. Сейчас неплохо бы было сесть за уроки, чтобы лечь спать не слишком поздно. Мало ли какая история ждет ночью.

* * *

К моему ликованию, после стирки на брюках не осталось ни пятна грязи. Для полного счастья оставалось только подшить пиджак и избавиться от отвратительных лент на блузке. Пришили их мастерски: отрежешь или оторвешь – испортишь вещь целиком. Случайное наблюдение за ученицами продемонстрировало, что они делают из ужасных лент банты – этот вариант по душе мне не пришелся. Однако до конца недели необходимо было срочно что-то придумать. Обладай я способностями к рукоделию, создала бы цветок на манер розы в петлице, но природа меня сим талантом обделила. В итоге за десять минут я выучилась из пары лент завязывать лишь сносный галстук.

Теперь я почти не волновалась. И дня в гимназии, даже меньше, хватило с лихвой, чтобы понять – здесь издевок не предвидится. Если бы хотели, уже бы засмеяли. Самое ужасное позади.

Осталось не ударить в грязь лицом в будущем. Ближайшие три месяца предстоит создавать себе репутацию, и желательно положительную.

Кое-как завязав волосы в хвост, я принялась собирать портфель. Распечатанное расписание уроков висело над кроватью между плакатами двух моих любимых групп, и это существенно облегчало жизнь. С кухни доносились вопли младшего брата и звон посуды. Я была уже полностью собрана и располагала примерно пятью минутами, прежде чем мама позовет завтракать. Выходить раньше не хотелось – больно надо наблюдать за очередной истерикой, суетой и ничего не выражающим лицом отца, уткнувшегося в очередную газету.

Вчера прочитать рассказ не довелось: было много срочных дел – и брюки постирать вручную (не было охоты сталкиваться с родственниками у стиральной машины), разобрать коробку с вещами, протереть пыль, погладить форму...

Мой почерк, когда я пишу по собственной воле, отличается от того, когда я падаю в пропасть небытия. Первый – округлый, широкий, с приземистыми буквами; второй похож на лес из копий с насаженными на них головами – рез-

кий, острый, словно ошестинившийся, поэтому при разборе накопившихся бумаг легко определить, школьный ли это конспект или плод моей фантазии, даже не вчитываясь в строки.

Я откинулась спиной на подушку.

Многие считают, будто боги создали мир, даровали жизнь людям и взяли их под свое крыло, за защиту и благополучие требуя жертвы, уважение и почет. На деле же они появились одновременно с миром из пустоты, в миг, когда раздался Великий Гром, знаменующий рождение реальности – переливающейся цветами, поющей несчетным количеством звуков и голосов, из недр извергающей свет и тьму. В ней нашло место все – от священной любви до жгучей ненависти, от прозрачных льдов до раскаленной лавы, от жизни до смерти. Боги обрели сознание, когда твердь стонала, претерпевая метаморфозы, жуткие и прекрасные, формировала взмывающие в небеса горы и принимала глубоко в себя тяжелые моря и океаны. Они не могли ни двигаться, ни говорить, но наблюдали за тем, как создается их новый дом, и тысячелетиями ждали поры спуститься туда, проникаясь к нему все большей любовью и грезя тем, как коснутся прорастающей зеленой травы, поймают ветер. Они учились думать и ценить то, что им даровано, еще до того, как это получают.

И однажды боги обрели плоть. Они и сами не поняли, как

это произошло – никогда доселе не терявшие связь с реальностью, словно заснули, исчезли из бытия, а затем поняли, что снова видят, но уже не зеленые просторы, а голубую высь и облака. Под ними прорастали луга, шевелились насекомые, где-то далеко внизу рыли свои норы кроты, но, что самое удивительное – они ощущали это.

Каждый из них имел индивидуальный облик. Кто-то обнаружил сходство с грозным медведем, кто-то – с волком, со змеей, лосем или лисой. Однако они отличали собратьев-богов от простых животных – по силе, исходящей от них.

Они никогда не встречали того, кто подарил им дом и жизнь, но чувствовали Его частицу в глубине себя, и благодаря ей понимали, что нужно делать: быть хранителями этого мира, сохранять его красоту. В их жилах текла могущественная кровь, позволяющая дотла сжечь лес или поднять в небеса океан, и ее необходимо было контролировать, – и потому они избегали ссор.

Обитали на свете и люди. Боги интересовались ими – в отличие от животных, они постигали Вселенную, мастерили одежду, оружие, костер и множество других вещей. И лишь они боялись и уважали богов, задабривали их подношениями и жертвами, просили о дожде и плодоносном лете. Иногда боги исполняли молитвы, а взамен получали бурную благодарность. Это их изумляло и тешило – животные играли с ними, как с равными, и они услаждались чужими бла-

оговением и ужасом.

Искра неведомого Создателя, скрывающегося за пологом бытия, провозглашала, что предназначение богов неразрывно связано с людьми, и они верили той беззаветно. Стали не только стражами, но и путеводными нитями человечества. Чтобы не терять контакт с подопечными, научились принимать их облик и освоили их речь. Люди знали, что они часто заходят к ним в дома: гостеприимных хозяев озарят удачей, а на скверных обрушат несчастья. Поэтому всякого гостя встречали хлебом-солью, давали попариться в бане, сытно кормили и укладывали спать.

Однако не вечно было править зверям-богам. Твердь менялась, и рождались новые боги – о человеческой ипостаси. Сначала они вершили лишь незатейливые чудеса, которые ни в какое сравнение не шли с мощью изначальных богов, но вера людей в них все росла, а вместе с ней – и их сила. Вскоре изначальные были позабыты, и их место заняли боги-люди...

– Ия! Завтракать!

Я с некоторым удивлением отложила листы в сторону. Да это не рассказ даже. Ни сюжета, ни персонажей как таковых. Скорее, какая-то легенда или предание. Раньше мое подсознание такого ни разу не выдавало. Может, дальше пойдет как обычно? Хотя непохоже, всего-то страница осталась...

Тем не менее мне это показалось цепляющим, и я пообещала...

щала обязательно закончить чтение после школы. Сегодня предстояли совершенно обычные шесть уроков.

Я кинула портфель в коридоре и зашла на кухню, где опять истошно вопил брат. Так и хотелось рявкнуть: «Да заткнись ты!», – но тогда получила бы нагоняй от матери, радевшей за наши дружественные отношения. Для меня дружественные отношения с братом равнялись взаимному игнорированию. Нарываться на очередную лекцию или, чего хуже, скандал не хотелось, тем более с утра пораньше, поэтому я вяло взяла ложку и впихнула в себя кашу.

Брат играл с вилкой, измазанной в овсянке. Я сидела рядом и несколько беспокоилась, как бы жидкая масса не прилетела мне на одежду.

– Пап, ты меня довезешь? – спросила я, вытирая рот висящим на спинке стула полотенцем.

– Сегодня нужно быть раньше на работе, – спустя секунду ответил отец. – Пока заброшу тебя в школу, опоздаю.

– А я опоздаю, если пойду пешком. Да ладно тебе, чуть поднажмешь, проскочишь кое-где на красный, и все будет чики-дрики.

– Ия! – укоризненно надула губы мать. – Что за выражения! Ты культурная девушка, говори как подобает, а не как оборванка из неблагополучной семьи!

– Как пожелаете, маменька.

– Убери из обихода саркастичность, – отчеканил отец, отложив газету в сторону. – Приличные люди не говорят с ро-

дителями в таком тоне.

Я с улыбкой развела руки в стороны:

– Посмотри на меня. Сарказм и язвительность – все, что мне остается использовать.

– Мы на тебя не нападаем, и с нами ты можешь от этого избавиться. Проявляй элементарное уважение.

И он с очевидным подтекстом вновь раскрыл свою газету.

– Так отвезешь или нет? – уточнила я.

Мама всплеснула руками, папа шумно втянул воздух. Брат захохотал, предчувствуя веселье:

– Ийке щас влетит!

И почему ему разрешено говорить, как «оборванец из неблагополучной семьи» с этими его «щас», а от меня требуют высокопарных фраз и выдержки королевы Британии?

– Пойдешь сама, – процедил отец. – Прогуляться тебе не помешает. И, думаю, стоит отобрать у тебя компьютер. Верно, дорогая?

Мама покорно поддакнула и засеменила ко мне в комнату.

Все равно он без дела пылится.

– Ладно, – пожала плечами я, отправляя грязную посуду в мойку. – Когда принесу приглашение от учителя в школу за опоздание во второй учебный день, даже не думайте на меня кричать. Вина в этом будет исключительно ваша. Вы в курсе, как я ненавижу приходить не вовремя.

Перед тем, как выйти из кухни, я успела заметить, как побагровел отец. Пожалуй, вечером стоит запереться на замок

и не выходить из комнаты, пока родители с братом не уснут.

Мама, как раз уносящая мой компьютер в свою спальню, недоуменно посмотрела на отца, судорожно сжимающего газету. Он явно готов был кинуть ее мне в спину, но лишь впечатал в поверхность стола. Младший брат притих. Выходила я, сопровождаемая тишиной, но едва за мной хлопнула дверь, в коридоре раздались отзвуки бури, происходящей в квартире.

«Не говори как оборванка из неблагополучной семьи»... ага, как же.

Лифт я решила не ждать. В новом доме они были не только грязные, изрисованные граффити, исцарапанные простыми надписями-ножницами вроде «тут был Петя», «а я Вася», пропахшие мочой, химией и чем-то тухлым, но и до неприличия медлительные. Лестницы тут, впрочем, немногим отличались. Освещение не работало, так что после наступления темноты приходилось двигаться на ощупь. Тем не менее это лучше, чем стоять в тесной кабинке, зажимая нос и невольно зачитывая похабные каракули на стенах.

Погода стояла воистину зимняя: солнце сияло, снег мерцал, так что не поднять веки. Пришлось натянуть шапку до самых ресниц, но и это не особо помогло. Не успела я оправиться от светового удара, как почувствовала самый что ни на есть настоящий в спину. Только руками взмахнула в попытке ухватиться за что-то, прежде чем со всей дури приложилась бы об асфальт. Дыхание выбило из легких, руки

обожгли болезненные искры как от сотни впившихся в кожу иголок.

– Эй, ты в порядке? – спохватились знакомым тоном.

Я поднялась, отряхнув колени, к которым, к счастью, лишь слегка прилипли мелкие снежинки – спасибо дворнику, дочиста очистившему дорожку. Ладоням не так повезло – их испещрили кровоточащие царапины, неприятно покалывающие.

– Кто ж так вылетает-то, – раздосадованно выплюнула я – и застыла. Передо мной стоял всклокоченный Пак, чуть наклонившийся ко мне, видимо, чтобы поймать, если упаду еще раз.

– Хель?! – опередил меня он в своем изумлении. – Ты что тут делаешь?

– Живу. А ты?

– Тоже. Ты когда сюда переехала, что я тебя не видел ни разу?

– За пару дней до каникул.

– Я как раз в эти дни к бабушке в другой город уезжал. А мог бы вас встретить как следует, экскурсию провести...

Да какую экскурсию здесь можно проводить? Город маленький, достопримечательностей не имеет, кроме разве что главной площади с фонтаном, на котором, по словам Арлекин, летом веселятся все, кому не лень, ведь в нем позволено плавать. Какую новую информацию Пак мог предложить? Сколько детей в год в среднем качается на качелях во

дворе и сколько – на карусели?

– Ничего страшного, – отмахнулась я. – Разобрались и так.

– Я рад. Если возникнут вопросы, обращайся сразу же, я тут с рождения живу, знаю все и обо всех. – Он заговорщически подмигнул. – В ближайших корпусах ваш слуга известен как первый информатор. Даже местные криминальные авторитеты чуть что ко мне бегут.

Так и подмывало съехидничать: «А криминальные авторитеты тут от скуки не погасли?», – но вместо этого я театрально поразилась:

– Неужели?

Он гордо положил ладонь на сердце:

– Именно так. Ни слова лжи.

– Обычно, когда люди уверяют, что не лгут, и делают так, – я повторила его жест, – они говорят неправду.

Пак расплылся в широкой улыбке и беспардонно закинул руку мне на плечо:

– Так и знал, что у нас будет, о чем поболтать. Ты мне нравишься, у тебя явно хорошее чутье. И вкус. Хотя, – он хохотнул, – по одежке этого не скажешь...

Я вспыхнула, раздраженно отпихнув его:

– И без тебя ясно, что не так с моей одеждой! Не тебе мой вкус оценивать!

Пак слегка ошарашенно капитулировал:

– Не взрывайся так, я же просто невинно тебя поддел. Обидел? Извини, правда не хотел. Ты как до школы доби-

раться будешь? На автобусе?

Я насупилась. Разговаривать с ним не особо хотелось, поэтому пошла прочь, бросив:

– Пешком.

Он присвистнул:

– Так это же уйма времени.

– А сам-то ты как едешь?

– У-у-у, не сверкай так глазами, страшно. Не зря тебе Арлекин прозвище Хель дала, у нее, говорят, тоже взгляд был, до самых костей пробирающий. А я на машине.

Он одним движением достал из кармана ключи.

– Это как?

– Мне есть восемнадцать – и права. Подвезти? Не думаю, что ты хочешь опаздывать.

– С чего бы ты это взял?

– Да все в тебе буквально кричит, насколько ты любишь следовать правилам. Хвостик этот аккуратный, каменное выражение лица, строгий взгляд. Ты ответственная и пунктуальная – другие люди безалаберные. Вот я, например. Я люблю опаздывать. Что может быть лучше трепки от учителя с утра пораньше? Так что если сейчас пойдешь прочь, я буду кататься по городу. Если согласишься составить мне компанию, я не буду перечить твоим принципам и подкину тебя до школы, да и сам, поддавшись влиянию твоей ауры «девочки-я-люблю-правила-и-систему», обрадую биологичку своим присутствием. Ну – обоих подвести или обоих вы-

тащить?

Шантажист, надо же.

– Ладно. Поехали.

– Как будто одолжение делаешь, а благодарить должна!

– Сам предложил.

Его машиной оказалась старая «Волга» с кое-где облупившейся краской, показавшаяся мне вдруг абсолютно родной. Когда-то давно дед возил меня на такой же – воспоминания об этом почти стерлись, но приятный сладкий осадок ушедшего детства остался. Сейчас таких автомобилей не найдешь. Но здесь это совершенно естественно – город явно давно не знал обновлений.

В салоне пахло цветами, и он довольно быстро прогрелся для старой машины, так что я расслабилась в чуть жестком тепле. Пак отпустил пару шуточек по этому поводу, я вяло отбилась – устраивать словесные поединки сейчас было бы кощунственно.

Пока мы ехали, я едва не уснула – еще не отошла от привычки в каникулы вставать на пару часов позже, и Паку пришлось меня растормошить. Сделал он это неэтичным способом – невесомым, но неожиданным подзатыльником, из-за которого я, уже по инерции открывшая дверь машины, едва не вывалилась в снег и взвыла:

– Обалдел?!

– Принцесса недовольна? – сочувственно посмотрел на меня лис.

– Когда-нибудь я тебя убью, – мрачно пообещала я.

– Не убьешь. Нет, убить-то ты, конечно, можешь, по глазам вижу, совести у тебя нет, но скрываться от закона дело муторное, а ты наверняка ленивая. Так что нет.

Кулак мой остался сжатым, но цели не достиг – я угодила аккурат в снежную кучу. То ли дворник так неудачно ее замел, то ли Пак специально возле нее припарковался. Лично я склонялась ко второму варианту.

– Ты дверью-то не хлопай! – донесся вслед каприз Пака.

– Не развалится!

Надеюсь, он вдобавок не на моем этаже живет...

* * *

По сравнению со вчерашним днем температура ощутимо снизилась, и за короткую пробежку от парковки я познала всю мощь зимы. Думала, до крыльца не доберусь, так сильно меня била дрожь. А ведь одежда была теплее некуда – куртка с капюшоном, шапка с глупыми косичками, огромные зимние ботинки. Отсутствовали только перчатки, и я чуть ли не впервые в жизни об этом пожалела – пальцы онемели и не желали двигаться. Однако это была не единственная проблема во всем арсенале – кроме этого лицо словно превратилось в маску, к которой больно было прикасаться.

Ногами я старалась передвигать уже не только для того, чтобы улизнуть от Пака, шаги которого хрустели где-то в от-

далении, но и для того, чтобы наконец-то войти в здание и кое-как согреться. Наверное, со стороны я, ковыляющая по дорожке, вжавшая голову в плечи, чтобы спрятать лицо от ветра за шарфом, выглядела смехотворно. Как индюшка или курица.

На крыльце я чувствовала себя, будто поднялась к воротам рая. Но идиллию разрушил громкий хлопок двери за спиной. Я рванула к гардеробной, смешиваясь с толпой. Судя по всему, трюк удался – по крайней мере, оглядываясь, макушки лиса я не заметила. Разумеется, велика вероятность, что он тоже направился сюда, чтобы переодеться, так что оставалось только лелеять надежду, что мы, разделенные школьниками, оказались в разных концах.

Близость человеческих тел быстро повысила мою собственную температуру. Однако дрожать я не перестала – наоборот, конечности тряслись, как в судорогах. Пальцы по-прежнему не гнулись, что усложняло задачу расстегнуть куртку. Я прислонилась к стене в углу и принялась предпринимать всяческие попытки избавиться от верхней одежды. Ни одна не увенчалась успехом.

К счастью, явилось спасение в облике Арлекин, вприпрыжку несущейся ко мне, попутно расталкивая всех, кто вставал на пути. На нее шикали, но она не обращала внимания. Я помахала ей одеревеневшей рукой.

– Привет! – повесилась она мне на шею. – Как спалось? Красивые снились сны? Надеюсь, красивые, потому что на

новом месте сны не должны быть мрачными. Кстати, нам нужно как-нибудь собраться у меня, я имею в виду, нам троем – Паку, тебе и мне. . . – Неожиданно она сжала мои ладони в своих. – Я так рада! Мы теперь подруги, правда? Ты помахала мне рукой, это ведь значит, что мы теперь подруги?

И почему это ее так волнует? Она симпатичная, активная, у таких всегда полно друзей. Таких любят – они понятны, в них нет загадок, они не скрывают свою сущность, но в то же время умеют не говорить то, что окружающие не хотят слышать. С какой стороны ни посмотри, они пользуются наибольшей популярностью, и если не находятся на пике славы, то крутятся в определенном кругу, где ими дорожат.

Впрочем, вчера я не заметила, чтобы Арлекин так уж любил. Скорее, принимали. Да и блеск в ее глазах буквально кричал о том, что она готова на коленях умолять быть ее подругой, столько в нем бурлящей надежды, смешанной с волнением. Я не хотела с кем-либо сближаться: много мороки, да и Арлекин наверняка отвлекала бы, таская гулять или часами тараторя по телефону. Однако ее взгляду невозможно было сопротивляться.

– Да, конечно.

– Так и знала! Знала, что тебе понравлюсь. А руки-то у тебя какие холодные! Давай, помогу тебе раздеться. Не будешь же ты в классе в куртке сидеть. Нет, ты могла бы, но первым уроком у нас обществознание, поэтому рисковать не стоит – Проповедница за такое и на костер отправит.

– На костер? – удивилась я. Воображение нарисовало образ грозного инквизитора с факелом в руке, облаченного в черный плащ.

– Да. Проповедница у нас яро радеет за дисциплину и правила. За малейшую оплошность к директору тащит. Тот не наказывает, так что бояться нечего, но кто хочет выслушивать истерики.

Она ловко справилась с молнией, и мы совместными усилиями стряхнули с меня куртку.

– Тебе пару перчаток одолжить? – любезно предложила Арлекин. – У меня есть лишние.

– Нет, спасибо, – растерла плечи я. – Думаю, днем потеплеет. Карманы спасут.

Она хмыкнула:

– Как хочешь, мое дело предложить.

– А где будет проходить урок? В том же кабинете, где вчера?

– Тут для каждого предмета свой кабинет. Я тебе составлю список, чтобы ты не путалась. Не волнуйся, освоишься быстро.

– Не сомневаюсь. Так где обществознание?

– На третьем этаже, кабинет триста пять. Поднимаешься по лестнице и налево до самого конца. А разве ты не пойдешь со мной искать Пака?

– Пака? – застыла я. – Зачем?

Арлекин, судя по округлившимся глазам, удивилась не

меньше моего:

– Как это «зачем»? Это же Пак.

Мне это немногое объяснило, но я не стала выспрашивать:

– Ищи, если хочешь, а я в класс пойду.

– Ладно. Тогда до встречи!

И, резко развернувшись, она бросилась в гущу толпы:

– Пак! Пак! Ты где?!

Дверь нужного кабинета была открыта – я аккуратно просунула голову внутрь и вошла, лишь убедившись, что не одна: за последней партой тройка ребят рубилась во что-то на айпаде. Они мимолетно глянули на меня, тут же вернувшись к своему занятию.

Я выбрала парту, где мы с Арлекин сидели вчера. Тело почти оттаяло, и дискомфорт доставляло лишь болезненно-красное лицо. Когда класс заполнили временные одноклассники, стало немного неудобно, и я скукожилась, вжавшись в спинку стула. К счастью, они мирно прошли мимо – лишь пара девчонок да один парень приветливо мне кивнули.

Арлекин влетела синхронно со звонком, чуть ли не от входа метнув на парту сумку, поспешно вытряхнула учебники и простонала:

– Успела!

– Где была?

Ее щеки окрасил странный румянец:

– С Паком болтали. Ничего особенного.

Я уже приготовилась анализировать факты и делать выводы, но набравшие обороты размышления прервала учительница, хлопнувшая классным журналом по столу:

– Закрыли рты, дети! Доброе утро!

Все тут же вытянулись в струнку:

– Доброе утро, Проповедница!

Учительница не выглядела, как инквизитор, родившийся в моем воображении после слов Арлекин. Простая женщина лет сорока пяти с пучком на затылке, облаченная в деловой костюм. Разве что каблуки слишком высокие. И как на таких можно не шататься?

– Садимся, – произнесла она, и все одновременно заняли свои места. Лишь я чуть задержалась, поудобнее пристраивая стул – и привлекая ее внимание.

– Ты новенькая?

– Да, Проповедница.

– Выбрала лисов?

– Решение еще не окончательное.

Она хмыкнула:

– Как бы там ни было, пока будешь учиться по нашей программе. Как у тебя с обществознанием?

– В прошлой школе было «пять».

Она вдруг рассмеялась. Неужели я сказала что-то не то?

– Я совсем не об этом, – пояснила Проповедница. – Тебе нравится сам предмет?

Я замялась. Никогда не испытывала особых эмоций в от-

ношении общественности – предмет как предмет, не хуже и не лучше прочих. Я вообще выделяла только литературу и историю, остальное же сливалось в сплошной серый пласт. Поэтому выкрутилась:

– Нормально.

– Что ж, это тоже хорошо. А зовут тебя как?

– Хель.

На этот раз вышло без запинки. Повод для гордости.

– Какое мелодичное прозвище, – восхитилась Проповедница. – Надеюсь, ты останешься с нами. Присаживайся, не стой столбом.

Я облегченно плюхнулась на стул, и в то же мгновение Арлекин чуть сжала мои пальцы под партой.

– Так, дети, у меня есть, что сказать. Очень важно, директор попросил вас предупредить, – нервно начала учительница, – в лесу в третьем районе совершено убийство. Если кто-то живет поблизости, будьте осторожнее. Но даже если вы живете не рядом, будьте начеку – кто знает, вдруг маньяк бродит по всему городу... в общем, держите ухо востро.

Арлекин вздрогнула, и теперь уже я сжала ее ладонь. Я понимала, что это глупо, но почему-то казалось, будто мы в абсолютной безопасности, и даже если случайно встретимся с убийцей лицом к лицу, он нас не тронет. Новость ужасала, однако и пробуждала извращенный эмоциональный подъем. Выходит, не все так просто, и от скуки здесь не зачахнешь.

– Советую носить с собой средство самозащиты, – доба-

вила Проповедница. – Перцовый баллончик, к примеру.

– Лучше ножик! Но с ножиком через турникет не пройдешь, – заверил парень с задней парты. – Лично проверял.

– И зачем же ты в спокойное время тащил с собой нож в школу? – нахмурилась учительница. – Боюсь, нам с директором придется это обсудить. Но не будем о грустном. Мир праху несчастного, а у нас обществознание. Открываем учебники на сто тридцать шестой странице. Таро, читай введение – внятно, не бубни.

Какой-то мальчик начал говорить, но его прервал стук в дверь – из коридора показалась Марина.

– Здравствуйте, – поздоровалась она. – Извините, Проповедница, можно украсть у вас Хель на пару секунд?

Я приосанилась.

Проповедница недовольно поправила круглые очки:

– Хель, будь добра.

Я вытащила руку из ладони Арлекин и юркнула в коридор.

– Доброе утро.

– Привет, – ответила улыбкой Марина. – Как ты себя чувствуешь?

Вопрос слегка ошарашил:

– В порядке. Осваиваюсь.

– Я рада. Чего я хотела-то... – она забавно почесала затылок. – Ты вчера себя показала как хороший игрок. Нужно подправить технику броска, да и выдыхаешься ты быстро, но это мелочи, которые легко исправить. Я хотела бы провести

еще одну тренировочную игру и посмотреть на тебя внимательнее. Не возражаешь?

Признаться, я немного удивилась. Уж не думала, что могу кому-то понравиться *в вышибалах*.

– Почему бы и нет?

Учительница расцвела:

– Отлично! Тогда завтра после уроков приходи в спортзал.

И не забудь размяться, договорились?

Арлекин-І

В детстве, когда мы еще жили на самом краю города, я считала, будто залог счастья – детская площадка, до которой не нужно долго идти, в кровь стирая стопы об острые камни. Дети из огромных многоэтажных домов, представлявшихся мне злыми великанами, норовящими раздавить нашу ветхую избу, приравнивались мною к богам – подумать только, наверное, у них несметное количество сокровищ, раз они могут позволить себе самую настоящую квартиру, из которой выскочишь – и сразу на площадку, да не по острой как кинжалы гальке, а по гладкому асфальту.

Мама строго-настрого запрещала контактировать с людьми, обитающими в домах-великанах. Говорила, они жестоки и кровожадны и непременно сотворят со мной что-нибудь дурное. Я не перечила ей, с утра до ночи читая книги, смотря в окно и занимаясь рукоделием, и лишь изредка помогая ей по хозяйству. Она не допускала меня к домашним делам из-за моей неуклюжести: со смехом трепала по голове и бросала: «Криворукая ты моя», – и возвращалась к своим обязанностям. Доверить мне она могла лишь протереть пыль да вымыть полы. Кухня была запретным царством – посуда вылетала из рук, подчиняясь потусторонней силе, а нож глубоко вонзался под кожу.

Однажды он чуть не вскрыл мне вены. Взмыл вверх и вон-

зился в деревянный стол в миллиметре от моего запястья. После мама даже масло приказывала резать пластмассовым ножом, опасаясь, что нечто подобное может повториться.

Вечно продолжаться такая жизнь в четырех стенах не могла. Мне нравились книги, вышивание, все то, чем я занималась, но любопытная детская душа требовала разнообразия. Я жаждала узнать, что скрывается за горизонтом, потрогать солнечные лучи. Казалось, будто внутри комнаты они другие, холодные, а там, снаружи – горячие, трепещущие.

Нутро устремлялось к свободе. Едва мне стукнуло десять, я решила, что стала достаточно взрослой, чтобы успешно выскользнуть из искренних, но душащих объятий матери. Пока незаметно, а потом, когда стану старше, переступлю порог этого дома навсегда и пойду вперед, погружаясь в ореол восходящего Солнца.

Я уходила из дома ночью, спустя несколько часов после того, как мама закрывалась на замок. Она запирала все двери, но меня это не останавливало – кутаясь в пухлые теплые вещи, я вылезала через окно. К счастью, оно было невысоким, и мне удавалось спрыгивать на землю достаточно бесшумно.

Наша избушка находилась в отдалении от города, поэтому, чтобы добраться до детской площадки, приходилось идти по каменным и песочным насыпям, рядом с которыми ржавели экскаваторы. Из обуви я располагала лишь дырявыми зимними сапогами с подошвами, больше похожими на

мочалки. У мамы же имелись высокие блестящие сапоги из кожи. Я могла бы воспользоваться ими, но она сразу заметила бы нарушение наших негласных законов, и я терпела, даже когда осколки вонзались слишком глубоко. А на следующий день прятала следы походов в теплых носках и сама мыла ноги, чтобы мама не видела.

Помню свой восторг, когда дом-великан оказался вблизи. Помню, как недоверчиво щупала его, прикладывала ладонь к нагретому дневным палящим солнцем бетону, гадала, не поднимет ли он из-под земли исполинскую лапу, чтобы раздавить меня. Как случайно повернула голову, услышав тихий шорох, и увидела площадку – и свой восторг от скорости, когда впервые раскрутила карусель, и высоты, когда взмыла на качелях.

С тех пор я сбегала, не обращая внимания на многочисленные новые и постоянно открывающиеся старые царапины. Меня огорчало, что я не могла пообщаться с ровесниками, но душу тешило то, что я хотя бы узнала, каково это – касаться ночного неба. Из раза в раз оно представляло в новой ипостаси – бездонная бездна, безмятежное море с плещущимися волнами, широкая атласная лента, на ощупь мягче кошачьей шерсти...

Со временем я изобрела забаву – раскачивалась так сильно, что качели норовили перевернуться, и с самой высокой точки обзревала окружающий мир. Сначала глаз цеплялся за небо, сверкающий купол. Потом за великанов, спящих со

своими жителями, но в любой момент готовых пожрать деревья, машины, дороги, все, что встанет у них на пути. Следом – за автомобили, замершие причудливыми тенями. Я угадывала в них магических существ: утонченных эльфов, единорогов, русалок... Но больше всего я любила кусты, шуршащие под порывами ветра – мне нравилось чувство смутного страха, словно меня могут похитить или просто съесть. При этом я часто размышляла о том, что бы в такой ситуации чувствовала мама, как бы реагировала, искала бы меня или забыла, что у нее когда-то была дочь, ругалась бы или тосковала...

Свое пребывание в школе я сравнивала именно с этой забавой. Одновременно и болезненное, и захватывающее. Нельзя сказать, что люблю учиться, но мне нравится находиться в школьных стенах – из-за людей.

После освобождения от матери меня влекло к ним неодолимо. Они виделись звездной россыпью. Каждый со своими предпочтениями, мыслями, рассуждениями, надеждами, тревогами. Один не похож на другого, и у них редко есть что-то по-настоящему общее. А если и есть, им очень сложно встретиться и стать близкими друг другу. Словно океан разбрасывает их в разные стороны, учиняя препятствия, которые они чудом преодолевают, завоевывая собственное счастье. Хватит, чтобы взорвать воображение. Будь я писателем, из них всех можно бы было слепить множество чарующих персонажей.

Но, сколько бы ни всматривалась в идущих навстречу, не могла найти чего-то действительно неповторимого. Звезд было много, но своим светом они затмевали Луну. Будто прятали ее. Но я искала.

У меня есть Солнце. Горячее, яркое. И небо со звездами. Гипнотизирующее, необъятное. Только Луны для Солнца нигде нет.

Так я думала до того, как хлопнули входные двери и в коридор вошла новенькая. Я направлялась в столовую, купить булочку – живот крутило от голода, – и абсолютно случайно застала своеобразное приветствие.

В ее внешности не было ничего особенного. Черты едва ли не скучные, так что, столкнувшись с ней в толпе или пообщавшись ни о чем, ни за что ее не запомнишь. Темные волосы и болтающийся за спиной рюкзак, за какими обычно охотятся в супермаркетах пятиклассники. И тем не менее она приковывала к себе взгляд. Сначала я не поняла, чем именно, но затем, подобравшись ближе, осознала – ее глаза. Карие, упрямые, пугающие омертвелой глубиной. Не оставляло чувство, словно, если спросить ее о чем угодно, она ответит, как если бы у нее поинтересовались о неоспоримой истине.

Она излучала странный свет. Впервые мне встретился человек, превосходящий звезды – но не так, как мое Солнце; нежнее.

Глядя на нее, невольно вспоминалась владычица царства

мертвых, какой я представляла ее в детстве. Потому я и дала ей это имя, и не зря – даже на ощупь эта девушка была холодной. Однако к ней хотелось прикоснуться, и я не могла отказать себе в удовольствии – подхватывала ее под локоть, клала голову ей на плечо.

Сегодня был лишь второй день нашего знакомства. Она ничего не знала обо мне, я не имела ни малейшего понятия о ее жизни, но могла утверждать, что достигну цели – стать ее подругой. И вот, Хель сама сжала мою руку под партой. Наверное, подумала, что мне страшно. Если бы мы дружили дольше, я бы даже обиделась – неужели меня испугает какой-то убийца? Уж у кого, а у меня найдутся силы защититься. И у Господина Солнца тоже.

Новости о несчастном мальчике никого не тронули. Скорее, никто не поверил – преступления в городе совершаются редко и банально. Нарушители закона никогда не выставляют себя напоказ.

В целом урок прошел спокойно: Проповедница монотонно объясняла тему, убаюкивая учеников, пытавшихся бодриться, засовывая руки в рукава, читать что-то в учебнике или с экранов телефонов. Наверное, только мы с Хель чувствовали себя приподнято – мне не давала смыкать глаз радость оттого, что мы теперь подруги, а она сосредоточенно конспектировала слова Проповедницы.

Идиллию омрачила Марина. Решила подстроить пакость, не иначе. Например, отговорить ее присоединиться к нам.

Она всегда тяготела к волкам, поддерживала их, делала все возможное, чтобы они одерживали верх везде и всегда.

Впрочем, вернулась Хель посвежевшей – уголки ее тонких губ чуть приподнялись. Я угомонилась – значит, Мариана не приплела ничего, связанного с выбором «лагеря». Любопытство одолело уже через секунду и, только Хель заняла свое место, я тут же зашептала:

– Чего она хотела? Не тяни, интересно же!

– Да ничего особенного, – ответила она. – Пригласила в спортзал завтра после уроков, чтобы проанализировать мою игру и как положено оценить мои способности.

– Ты согласилась?

– Да. Это займет от силы час, а мне некуда спешить.

Возможно, она бы добавила еще что-то, но нас прервал стук линейкой по столу:

– Девочки, будьте добры, перестать чесать языками на моем уроке! У вас неограниченное для болтовни время за пределами школы, а мы располагаем сорока пятью минутами! Если уж не хотите учиться, хотя бы уважительнее относитесь к тем, кто хочет! Вы мешаете не только мне, но и своим друзьям!

После этого мы сидели молча. Я крутилась туда-сюда, рассматривая одноклассников. Они еще не проснулись и вели себя тихо, так что мне быстро наскучило, и тогда я принялась рисовать за красными полями тетради.

Звонок не хуже будильника смел дрему с ребят, а меня за-

ставил испуганно подскочить. Хель его словно не услышала – педантично дописала строчку, положила ручку в пенал с парой значков и сложила все вещи в одну аккуратную стопку. Когда Проповедница отпустила нас на перемену, запихнула их в портфель, закрыла его на молнию и уточнила:

– У нас сейчас литература, верно?

– Ага, – откликнулась я. – Любишь ее?

– Больше остальных предметов.

– По тебе и видно, что ты не технарь, так что не удивлена. А мне вот не очень нравится. По мне, так это муторно – разбирать, кто, что и зачем сделал. Да и рассказывается там не о живых людях, а плодах воображения. Бессмыслица.

Хель передернула плечами будто уязвленно:

– На вкус и цвет...

Мы сделали несколько шагов к двери. Ни слова.

– Ты обиделась, да? – погрустнела я. – Прости, я же не специально.

– Нет, – равнодушно ответила Хель.

– Да вижу же, что да. Эй! Ну я правда не хотела!

– Знаю и не обижаюсь. Перестань видеть то, чего нет.

Я открыла рот, чтобы вновь затянуть свою волынку, как услышала грубое:

– Эй, рыжая!

– Чего тебе, куцый хвост?

Хель напряглась. Видимо, вспомнила его выходку, которую он учудил в ее первый школьный день.

Увидев ее, Гери тут же приосанился:

– Доброе утро, Хель.

– Откуда ты знаешь ее прозвище?! – взвилась я. Неужто в этих стенах слухи распространяются настолько быстро? И кто за это ответственен?!

– Взаимно, – буркнула Хель, доброжелательности в тоне ни на грош.

– И зачем ты к нам наведалься, – уперла руки в боки я. – Не для того же, чтобы с моей подругой лясы точить? Чего тебе? Давай быстрее, нам на другой этаж, не хочу тратить время на тебя.

– А ты как всегда многословна, аж уши вянут.

– Не издевайся. Говори.

Он поднял руки в защитном жесте:

– Ладно, ладно, уговорила. В общем, Он, – волк сделал ударение, – приказал подойти к нему в радиорубку. Срочно.

До меня не сразу дошел смысл слов. *Он* попросил *Гери* передать мне, чтобы я подошла в радиорубку? *Он* попросил *Гери*? Серьезно?

Они слишком не ладили для подобного. Впрочем, Он успел настроить против себя всех волков и большую часть лисов, так что трудно было бы найти человека, относившегося к нему с искренним участием. В большинстве случаев его принимали за шута или клоуна, о чьих проделках слагали легенды.

Я улыбнулась Хель как можно непринужденнее:

– Я тебя ненадолго покину, но к уроку вернусь. Дойдешь сама?

– Школа – не лабиринт Минотавра. Не сгину.

Радиорубка находилась над спортивным залом рядом с женской раздевалкой и представляла собой два совмещенных помещения – собственно рубку с приборами, откуда открывался великолепный обзор на актовый зал, и комнату для занятий музыкой. В центре стоял синтезатор, по углам – балалайки, гитары и скрипки, на полках шкафа – флейты, свирели и дудки. Мне там доводилось бывать лишь несколько раз: когда проводила радиопередачу и когда ждала занимающуюся игрой на синтезаторе одноклассницу. Ей было страшно ехать домой в одиночестве.

До указанного места я добралась за три минуты, перебежав из одного конца здания в другой, расталкивая младшеклассников, абсолютно не смотрящих вокруг.

Из раздевалки доносились крики, вопли и отголоски каких-то обсуждений, то и дело сновали туда-сюда девчонки. Я подгадала момент, когда рядом никого не оказалось – нашей беседе не нужны свидетели. Нерешительно дернула ручку и проскользнула в образовавшуюся щель, поспешно захлопывая дверь за собой.

Господин, мое Солнце, вертелся в кресле, глядя в потолок и беззвучно шепча что-то. Я застыла, спиной прижавшись к холодной металлической поверхности.

Увидев меня, Он улыбнулся:

– Привет, Арлекин. С Хель все в порядке?

– Да, Господин, – склонила голову я. Казалось, если посмотрю ему в лицо, ослепну.

– Она уже освоилась?

– Да, Господин.

Он сменил позу, облокотившись спиной о подлокотник и закинув ноги в кедрах на свободный стол.

– Я слышал, эта стерва Марина хочет заполучить ее к себе в команду.

– Да. Ей понравилось, как она играет.

– Марина – приверженец волков, и, если Хель согласится играть, непременно переведет ее к ним. Если это случится, она непременно выберет волков и присоединится к ним. Мы не можем допустить столь удручающего финала.

– Как же быть?

Господин Солнце нахмурился:

– У нас много нерешенных неприятностей, но на данный момент ситуация с вышибалами должна волновать нас сильнее прочего, поэтому стоит для начала разобраться с ней. Пока не будем переходить к активным действиям, чтобы не привлекать внимание Волка. Ограничимся контролем действий Хель.

У меня перехватило дух. Неужели впервые за долгое время настоящее задание?!

– Что прикажете, Господин? – с придыханием спросила я,

предвкушая ответ.

Он перевел на меня хитрый взгляд:

– Не напрягайся так, Арлекин. От тебя требуется суший пустяк – ни на шаг не отходить от нее в школе. В прямом смысле ни на шаг. Поняла?

– Да! Для меня это совсем не сложно, мне нравится находиться рядом с ней!

Не успела я и моргнуть, как почувствовала удар об стену, выбивший воздух из легких, и пальцы, обвившие горло. Господин вздернул меня в воздух, смотря с бешеной яростью. Острый коготь скользнул по щеке. Кажется, на воротник упала капля крови.

– Не перебарщивай, – угрожающе прошипел он. – Она наша. Не твоя.

Я не в состоянии была говорить в таком положении, но попыталась прохрипеть: «Я и не думала!»

Он резко разжал свою железную хватку, и я упала, судорожно хватая ртом воздух.

Он развернулся, бросив мне шарф, и уже на пороге произнес:

– Замотаешься, чтобы не было видно синяков. И не забывай о задании. Сама знаешь, мои приказы должны исполняться беспрекословно. Если не хочешь умереть, разумеется.

Хель-II

Никогда не любила большие здания с ответвлениями коридоров и помещений. Поворот не туда, и уже не знаешь, какой ориентир искать и куда направляться, чтобы выбраться из петли. Эта школа относилась к разряду лабиринтов – не такая уж крупная, но испещренная тупиками, словно шрамами, предназначение которых оставалось тайной за семью печатями. Столичная школа была проще – лестница слева, лестница справа, напротив главного входа – столовая и спортзал. Ничего сложного. Но здесь... не учебное заведение, а муравейник. Мимолетное наблюдение: и ученики порой путаются – приходят к кабинету, видят чужой класс и несутся прочь, как ошпаренные, ведь звонок должен прозвучать через минуту. Сначала я думала, что они, возможно, тоже недавно сюда перевелись и потому немного дезориентированы, но вспомнила слова Арлекин о том, что я первая новенькая за несколько лет. Резонно лишь признать, что школа запутанная, вот и ошибаются даже те, для кого она успела стать вторым домом.

Перед Арлекин я храбрилась, заявляя, что разберусь без проблем. В действительности же ситуация обстояла не столь оптимистично – после того, как она убежала на встречу с загадочным потенциальным поклонником, я добрых двадцать минут блуждала по зданию в поисках кабинета литературы.

Положение ухудшало также то, что номера далеко не всех помещений соответствовали этажу – двести двадцатый мог быть на первом, триста двадцать второй – на втором. Если задуматься, план здания был не таким уж мудреным, смущала скорее беспорядочность номеров. Однако я и с ней справилась, мотаясь туда-сюда, – ворвалась в класс как ураган и плюхнулась на место аккуратно, когда трель заглушила разговоры школьников.

На уроке Арлекин не появилась. С ее стороны парты шел странный холод – вроде и плод воображения, но ощутимый. Разнервничавшись, я едва дотерпела до конца занятий – вдруг с ней что-то произошло? Однако беспокоилась зря – она обнаружилась в туалете, расчесывающей волосы гребешком, похожим на те, чьи изображения мелькают в энциклопедиях по славянскому фольклору. То и дело она поправляла красивый шарф под цвет формы. Раньше его не было, но я не стала спрашивать, откуда она его взяла – и так ясно, тот самый парень подарил. Уж слишком лихорадочно блестели ее глаза.

После казусов не происходило. Арлекин вилась за мной как приклеенная. Это не особенно напрягало, но вызывало недоумение – она и раньше не соблюдала дистанцию, однако теперь переступала все границы. После уроков она даже вызвалась проводить меня до дома. Я пыталась отказаться, уверяя, что знаю дорогу и не хожу по проезжей части, но она не желала слушать, демонстративно зажимая уши. Нель-

зя сказать, что я расстроилась по этому поводу – Арлекин развлекала мастерски, шутя и строя такие рожи, что поневоле рассмеялся бы даже самый безразличный и жестокосердный человек.

В итоге расстались мы только у подъезда. Прежде чем уйти, она крепко обняла меня и порывисто поцеловала в щеку. По мне – пошлая «традиция», но в ее исполнении это выглядело искренне. К тому же от нее приятно веяло цитрусами.

Поднималась я по лестнице, игнорируя существование лифта, медленно, рассматривая каждую ступеньку, вытирая ноги о каждый расстеленный коврик и пиная оставленные местными «весельчаками» пустые бутылки в темные углы. Отец наверняка не вернулся с работы, а вот мама совершенно точно дома с братом – сегодня у него нет дополнительных занятий, оставить его одного она не может, поэтому по своим делам не отлучится.

Пересекаться ни с кем не хотелось. Братец со стопроцентной вероятностью припомнит утреннее происшествие, а мама не воздержится от поучительной лекции о том, что мне нужно изменить свое поведение. Но выхода не было – раз они дома, дверь закрыта; чтобы попасть в квартиру, нужно звонить в звонок. Кто-нибудь откроет, и я окажусь с ними лицом к лицу.

На минуту я вполне серьезно озадачилась: а не скоротать ли ночь в местной гостинице, выключив телефон? Немного денег лежало в потайном кармане рюкзака, наверняка хва-

тило бы и, быть может, даже на завтрак. Однако, как ни тяни время, час расплаты грянет. Перед входной дверью я стояла как на эшафоте, нажимая на неприметную белую кнопку. Отзвучали установленная бодрая мелодия, радостный вскрик брата «это папа?!» и короткие шлепающие шаги матери. Замок щелкнул, изнутри дыхнуло плотным ароматом томящегося на плите ужина.

– Привет, – подбоченилась я.

– Привет, – нейтрально произнесла мама, пропуская меня внутрь.

Я старалась не смотреть на нее, заслонив лицо распущенными волосами и старательно снимая обувь.

– Чем заниматься будешь? – облокотилась о стену она.

– Да так... Уроки сделаю, погреюсь в ванной и спать. Хочу лечь пораньше.

– Поужинаешь?

– Нет, спасибо. Плотно пообедала в школе, – соврала я.

На самом деле, на обед я не пошла из-за того, что Арлекин в упор отказалась спускаться в столовую, утверждая, что еда там отвратительная. Я склонялась ей верить, но о том, как буду обходиться без еды до завтра, как-то не спохватилась.

– Оставлю тебе отдельную порцию в холодильнике на случай, если все-таки захочешь поесть. Накрою зеленой крышкой.

Считай, проблема решена – главное, подгадать момент, когда поблизости никого нет.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Не за что.

И мама скрылась на кухне. Я зашла в ванную, чтобы помедитировать над раковиной, отогревая пальцы, а затем закрылась в комнате, достала дневник с пеналом и поудобнее уселась за письменным столом. С уроками не оттягивала – лучше сразу отмучиться, а вечером отдыхать.

Два часа я исправно занималась. Сделала задания на день вперед, чтобы после завтрашней тренировки ничего не делать, и решила, что на сегодня довольно. Тело ломило, голова раскалывалась. Горячая ванна была лучшим вариантом, поэтому я взяла так и не дочитанный рассказ, пижаму и полотенце и незаметно выскользнула из комнаты.

Кипяток с рокотом наполнил ванну. Листы с рассказом я положила на корзину с грязным бельем, чтобы не намочить, повесила полотенце на бортик, скинула одежду и с удовольствием забралась под кран, чтобы не замерзнуть. Перебравшись на противоположный край ванны, вытянула ноги и едва сдержала порыв нырнуть и свернуться в калачик на самом дне. Было тепло и невыразимо хорошо, так что веки тут же потяжелели. Однако я все же вытерла руки о висящее на бортике полотенце и взяла листы. На их поверхности все равно выступили еле заметные мокрые пятна, но в этом не было ничего страшного, и я с чистой совестью принялась за чтение.

Люди быстро забыли об изначальных богах, и те покидали насиженные места, расселяясь все дальше по сторонам света, оставляя после себя лишь смутные свидетельства своего существования. Человеческие жилища и святилища разрушались, уходя под землю. Смертные утратили трепет и отныне не провозжали души убитых на охоте животных песнями. Они не помнили о том, что в любой момент перед ними может встать божество в облике зверя, чтобы покарать за грубое обращение с собратьями.

Связь между Изначальными и людьми разрушалась. Однако в то же время крепились иные узы – между людьми и богами в человеческом обличье.

Эти странные существа с телами и лицами смертных, но с божественными дарами, явились неожиданно. Изначальные почитали их чужаками, затем – новыми созданиями неведомого Творца, и лишь позже осознали Истину. Новые боги являлись плодом человеческого воображения – люди, не встречавшие зверей-покровителей, сочиняли сказки о могущественных богах, подобных себе, и сами же в них верили. Те родились из этой веры.

От десятилетия к десятилетию, от жертвы к жертве их могущество возрастало, и вскоре они могли посоперничать с Изначальными за власть. Когда-то они странствовали, свершая лишь простые чудеса, а отныне имели власть сжигать поля, насылать саранчу, морить скот, разрушать, но и исцелять – коровы давали много молока,

урожай не умещался в амбары, дожди поливали плодотворную почву.

Изначальные отступили, слились с природой, перестали воевать за веру смертных, научились жить без почестей. Не в меру гордого и самовлюбленного Лиса это возмущало, рассудительного Волка же ничуть не беспокоило. Они по-прежнему были способны своей силой превратить мир в горстку пепла или озарить его солнцем, но использовали свои возможности, лишь чтобы убежать от охотников, не способных отличать простых животных от божественных, или принять человеческий облик. К счастью, своего гостеприимства смертные не растеряли, и гость был для них неприкосновенен.

Изначальные свыклись со своим положением, а некоторые даже сочли, что теперь, когда не нужно ни о ком заботиться, живется лучше – не нужно откликаться на призывы волхвов и шаманов, можно сколько угодно летать, бегать, плавать, дышать.

Века утекали как вода. Люди воевали, женились, молились своим богам и проливали кровь. Те боги наблюдали за ними, упиваясь своей силой, порой спускаясь к подопечным, но вновь возвышаясь в райские кущи, откуда так удобно раскладывать партию в шахматы, используя смертных как фигурки.

Изначальные не зависели ни от кого. Люди их не помнили, незваная замена перестала обращать на них внимание, ведь

они не претендовали на любовь их пешек. Однако люди всегда идут вперед, оставляя истину позади – такой жестокий, но яркий мир не мог существовать вечно. Идолы были свержены, и на место богов с человеческим ликом пришел новый Бог – Единый.

Первоначальные предполагали, что их некровные потомки, некогда занявшие их трон, присоединятся к ним и будут созерцать изменения мира, не вмешиваясь в него. Они ошиблись. Боги-люди не вынесли разрыва со смертными, утратили силу, зачахли и рассыпались в прах – оставив после себя лишь легенды.

Боги-звери недоумевали. По какой причине, почему их младшие братья и сестры исчезли, а они выжили?

Искра Создателя внутри шептала: «Потому, что вы Истина». Истина, от которой люди отказались, отдав собственную судьбу одной великой иллюзии.

Строчки прервались. Я еще долго держала листы – в груди словно птица билась и кричала, что когда-то я это уже слышала. Не здесь, не недавно, возможно, вовсе не в этой жизни, но кто-то рассказывал мне нечто подобное. История казалась смутно знакомой, словно сон.

Из пучины этого странного состояния меня выдернула громкая трель дверного звонка. Я поспешно вытащила затычку, выскочила из ванны, схватила лишние вещи и на цыпочках выбежала в коридор. Как назло, отец стоял спиной ко

мне. Любой шорох – и обернется. Я отчаянно огляделась. До комнаты ринуться не успею; хотя отца кое-как отвлекает разговором мама, он выловит меня еще до того, как запрусь на замок. Залезть в шкаф? Он не закрывается; чтобы выудить меня оттуда, понадобится лишь отодвинуть заслонку.

Взгляд зацепился за кладовку, разведывать которую мне еще не доводилось. Я не имела ни малейшего представления, что там лежит и чем она пахнет. Однако единственное, что могло меня волновать в данный момент – открыта ли она. Как балерина, чуть ли не по воздуху, маленькими шажочками я направилась к ней. Мать по-прежнему разговаривала с отцом, он что-то сухо ей отвечал.

Наконец, я сжала ручку и плавно повернула ее вниз. Дверь покорно отворилась с еле слышным скрипом, и я змеей скользнула внутрь.

Пахло тут как в моей столичной комнате – пылью. Сразу разобрало желание покопаться в здешней «свалке». Обычно именно в таких местах находится что-нибудь по-настоящему интересное. Я уже настроилась на приключения и прекрасное времяпрепровождение, но воодушевление тут же сошло на нет. В тот самый момент, когда взгляд сфокусировался, я увидела сидящего на полу человека.

Посреди помещения, заставленного всякой всячиной, был расстелен ковер, на котором валялись диски, книги, журналы, упаковки из-под орехов и сока, напротив – шелестящий телевизор. И, окруженный всем этим, откинувшись на при-

слоненную к горе ненужных вещей толстую подушку, полулежал... Пак.

Кажется, он вовсе меня не заметил – ел орешки и мурлыкал что-то себе под нос, замороженно следя за происходящим на экране.

– Ты что тут делаешь? – удалось, наконец, прошипеть мне.

Он невозмутимо дожевывал лакомство:

– Отдыхаю. Это и моя кладовка тоже.

– Как это – «и моя тоже»? Это моя квартира, забраться сюда получится только из нее! Как ты к нам пробрался?

Мама же дома была! Или он прокрался, когда она отходила?

Пак закатил глаза, всем видом говоря: «Твоя тупость поражает».

– Хелюшка, будь добра, включи мозги. Наши квартиры совмещены, точка состыковки – кладовка. Сюда вход из двух квартир. – Он мизинцем руки, в которой держал пакетик со снеками, указал на дверь напротив той, через которую прошла я. – Видишь? Это мой вход, а твой напротив. Так что я без проблем могу заглянуть к вам, а ты – ко мне. Хотя, право, я удивлен, что ты сюда попала. Мне казалось, бывшие соседи все заколотили.

Он что, часто к ним ходил? Иначе зачем бывшим жильцам заколачивать кладовку?

Кто вообще так строит дома? Почему в этом городе все не как у людей?

– Да не кипятись ты, – беззаботно рассмеялся лис. – Не буду я вас навещать, у тебя брат – мелкое буйное недоразумение, терпеть не могу таких детей. Хорошо хоть, ты не такая. Хотя, чего греха таить, есть у тебя это псевдоаристократическое самомнение и чувство собственного величия.
Снежная королева.

– Не тебе судить.

– Это да, но согласишься, истину глаголю. О, кстати, ты что тут забыла? Нарушила мое личное пространство и еще претензии предъявляет. А-та-та, нехорошо!

От приторно-сладкого голоса сводило скулы, но я все же вяло огрызнулась:

– Не твоего ума дело.

– Предки доконали, – понимающе кивнул Пак. – Ну, они тебя отсюда не услышат, если, конечно, не стоят вплотную к стене, так что можешь приходить и вымещать злость на неодушевленных предметах. Как король сего места великодушно позволяю.

Я фыркнула:

– Король сего места? С чего бы это?

– Я же первый тут обустроился, значит, ты под моим командованием.

– Размечтался!

Лис, хохоча, похлопал по ковру:

– Ладно, ладно. Расслабляйся, вместе фильм посмотрим. Тебе нравятся боевики?

– Нравятся.

– Вот и чудно! Предлагаю соседское перемирие. Орешков?

Тяжело вздохнув, я загребла целую горсть, тут же получив пинок локтем в бок от Пака, возмущившегося тем, что я беру так много. Отмахнувшись, что он сам предложил, я присела на край ковра и устала в экран. Фильм только начинался.

* * *

Вечер, как бы ни хотелось признавать, прошел на ура. Мы досмотрели фильм и даже немного поболтали. Из беседы я узнала, что он живет с бабушкой и дедушкой, а его родители работают в другом городе и приезжают редко, что он неплохо учится, но учителя его не любят, и что он занимается танцами в школьном кружке. Никогда бы не догадалась, что такой человек, как он, увлекается бальными танцами.

Разумеется, были в незапланированной встрече и минусы. Точнее, один – отец и мать шастали по квартире, и их шаги эхом отдавались в кладовке. Я дергалась и ловила на себе недовольные взгляды Пака. И все же это отвлекло от тревог о назначенной игре в вышибалы. На волнения не было времени – приходилось то слушать разглагольствования Пака, то огрызаться на его нападки, то прислушиваться к шагам, то погружаться в фильм и не замечать ничего вокруг. Ближе к ночи, когда настала пора расходиться, глаза слипались,

голова гудела, и думала я только о кровати со взбитыми подушками. В итоге едва на экране телевизора поплыли титры, мы дали друг другу пять и попрощались. Родители уже заперлись в спальне, из-под двери которой на пол падала широкая полоска света. Я удачный шанс не упустила – юркнула в комнату.

С утра же волнение навалилось в полной мере. Сжималось сердце, тряслись руки. Собиралась я, как в маревае, рисуя картинку предстоящей игры. Она не была серьезной, никаких поводов для мандража, но осознание того, что она устроена специально, чтобы проверить мои способности, камнем давило на плечи. Я не могла позволить себе опозориться, иначе... А иначе?

И кто меня за язык тянул? Надо было поддаться лени!

Первым делом я собрала спортивную сумку и лишь затем подготовила учебники. Быстро оделась и, закинув поклажу за спину, отправилась в гимназию.

Так похолодало, что, оказавшись вне подъезда, без особых раздумий я направилась к остановке. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что неплохо было бы, если бы Пак меня подвез. Да, находиться с ним не особо приятно, зато на машине ехать удобно. Та стояла возле тротуара, припорошенная снегом. Интересно, он скоро выйдет?

Я резко мотнула головой. Нет, нельзя об этом. Если попрошу, он до конца жизни будет припоминать этот случай. Одна поездка в автобусе никого не убивала. Наверное.

В итоге до школы я добралась на маршрутке. Свободное место выпало у самого входа, что не могло не радовать, и до нужной остановки я доехала в относительном тепле, а потом бежала до крыльца, чтобы не превратиться в ледяную статую.

У гардеробной меня перехватила Арлекин, как всегда энергичная. Обычно я легко ограждалась от людей и пропускала мимо ушей их болтовню, однако с ней невозможно было сосредоточиться. Мысли норовили вернуться к вышибалам, но она успешно отвлекала, поэтому все шесть уроков я думала о чем угодно, но не об игре. Беспокойство почти улетучилось... До тех пор, пока не прозвенел последний звонок этого дня.

Арлекин заметила мою дрожь и погладила по плечу:

– Не парься, все будет хорошо. В конце концов, я с тобой в команде.

Переодевшись, мы спустились в спортзал. Возле него собралась целая толпа. Все переговаривались, не скрывая ожидания.

– Это что? – спросила я, невольно сжав рукав кофты Арлекин. – Почему они все здесь?

– Мы же со старшими лисами играем, а такие матчи, пусть и пустяковые, пользуются популярностью, – пояснила она. – Обычно игра идет напряженная, потому что и у нас, и у одиннадцатого есть свои сильные стороны.

– Со старшими лисами?! Разве участвует не только твой

класс?..

– Не «мой» класс, а «наш».

В голове словно взорвался улей, и теперь миллионы пчел жужжали над ушами. Пришлось мотнуть головой, чтобы привести мысли в порядок.

– Неважно, не об этом сейчас! Марина говорила, это просто тренировка. Значит, только в пределах десятого...

– Не-а! – хихикнула Арлекин. – У Марины правило: если она проверяет силы игрока, она никогда не ограничивается классом, в котором он учится. Чтобы заставить показать потенциал полностью, она встряхивает его при помощи более продвинутой команды.

Сказано это было таким тоном, словно в этом нет ничего особенного. А ведь я практически до конца уgomонилась!

Все будут смотреть на меня. Сидеть на низких скамейках, внимательно следить за моими действиями и свистеть в знак разочарования...

Унижающий звук раздался, как наяву.

Из пучины отчаяния вывел подозрительно знакомый топот.

По лестнице поднималась Марина. Она буквально сияла, и ничего хорошего это не сулило.

А ведь эта женщина производила впечатление весьма милой персоны.

«Впрочем, – слабо колыхнулся оптимизм, – все могло бы быть гораздо хуже. Например, если бы сюда пришла вся шко-

ла; поэтому ликуй, что спортзал недостаточно большой, чтобы всех вместить».

Марина подмигнула, проходя мимо, и повернула ключ:
– Открываемся! Прошу всех внутрь!

Толпа взбудораженным густым потоком влилась в помещение. Меньше чем через минуту, все скамейки были заняты, кому-то даже пришлось садиться на колени к друзьям. Игроков вычислить было легко – по спортивной форме. К тому же они стояли у линии, разделяющей зал пополам. Некоторые были мне знакомы, других я видела впервые.

– По-ойдем, – прошебетала Арлекин.

Заметили нас с ней еще до того, как мы присоединились к собравшимся. Какой-то парень с шелковыми солнечно-золотыми волосами выглянул из-за спины своего огромного товарища:

– О, Хель?! Приятно познакомиться! Наслышаны о тебе!

– Да я уже поняла...

– Простите ее неприветливость, – вклинилась Арлекин. – Она нервничает, вот и такая недружелюбная. Обычно она рада новым знакомствам.

Блондин рассмеялся:

– Не нервничай, Хель! Мы не такие страшные. Но в игре пощады не ждите, мы сюда не сопли вам утирать пришли.

Было по-прежнему жутко, но, посчитав, что продемонстрировать слабость позорно, я сложила руки на груди:

– Вы тоже не расслабляйтесь, – и было смутилась из-за то-

го, что произнесла традиционную фразу капитана команды, но довольный шепот одноклассников меня успокоил.

Блондин улыбнулся еще шире:

– Продолжай в том же духе.

Я хотела в грубой форме попросить его не смотреть на меня свысока, но сделать этого не позволил свисток и последовавший за ним вопрос Марины:

– Все?

– Да, – откликнулся блондин. – Моя команда готова принять бой.

«Моя команда»? Неужели этот парень – капитан? А выглядит таким... Хрупким.

– Мы покажем, где раки зимуют, – самоуверенно заявил капитан моего класса, ухмыльнувшись, и резко повернулся ко мне. – Хель, сделай так, чтобы мы их наконец победили!

– Я же не великий герой-спаситель...

– Но можешь стать им, – возразила Арлекин. – Играй сначала так, чтобы попасть к нам, а дальше раскачаешься так, что при нашей помощи втопчешь их в пол. – Она сжала кулак. – Мы в тебя верим.

О, лучше бы вы заранее были во мне разочарованы...

– Становимся! – приказал капитан. – Киар, сегодня ты впереди. Хель, назад, Арлекин, прикрывай ее! Давайте, покажем, кто тут хозяин! Ловим мяч во что бы то ни стало, бьем со всей силы!

– Милый, пафосные речи не помогут, – рассмеялся блон-

дин. – Просто смирись.

– Заткнись! – рявкнул стоящий рядом парень.

– У, какой агрессивный. Не рычи на старших, маленький.

– Солейль, ты...

Перепалка зашла бы дальше, если бы не оклик Марины, расположившейся в середине зала:

– Парни, брейк! Пора. Чем раньше начнете, тем раньше разойдетесь. Играем до двадцати! Поехали!

Блондин с прозвищем Солейль занял позицию, словив напоследок убийственный взгляд от всех членов нашей команды.

Сердце четким ударом отдалось в висках.

Мышцы напряглись, зрение и слух обострились. Ноги сами согнулись в коленях, корпус подался вперед. Я словно ощущала стоящих рядом людей, могла предсказать, что они сделают в следующий момент. От них пахло адреналином и полной готовностью прорваться через стену силы соперника, чтобы одержать над ним верх.

В своем желании они возлагали надежды на меня – я не понимала почему, но намеревалась их оправдать.

Мяч просвистел будто над самым плечом, но запустили его в добрых трех метрах от меня – его бросила забавная девчонка с двумя косичками из нашей команды. Если память мне не изменила, носила она кличку Стрелок, и оно ей соответствовало во всем – каждое редко оброненное слово в цель, снаряд – аккурат в противника.

Так случилось и в этот раз. Мяч подлетел практически под самым потолком и резко сменил траекторию, нырнув вниз. Одиннадцатиклассники зашевелились, кто-то вскрикнул. Один из них отбежал на несколько шагов назад, чтобы не дать нашим «пленным» поймать его. Судя по шепотку моих товарищей, они были уверены, что у него ничего не выйдет, однако...

Ловкости парня можно было позавидовать. Причудливо крутанувшись на месте, он легко схватил мяч, устремившись напрямик к линии, буквально в нескольких миллиметрах от нее. Одно неверное движение – и мы заработали бы очко.

Он ухмыльнулся и, широко замахнувшись, бросил его. Казалось, тот просто слился с воздухом, и через несколько секунд на нашей стороне зала послышался болезненный вздох. Один из парней упал как подкошенный, схватившись за ногу.

Вражеская команда восторженно взывала. Наша сквозь стиснутые зубы процедила ругательства. Стрелок помогла подняться выбитому – тот прихрамывал и морщился от боли.

– Эй, Хейвен, все в порядке? – осведомилась Марина, дунув в свисток, чтобы все замолчали.

Он кивнул и поднял вверх большой палец, заковыляв к «пленным». Учительница дала сигнал к новой «партии»:

– Один ноль в пользу одиннадцатого!

– Догоняйте, маленькие! – поддел Солейль. – Мы вас

ждем!

Один из моих товарищей со всей силы пульнул в него мяч, но капитан старших лисов без труда его поймал. Одной рукой. Да еще ехидно восхитился:

– Классный бросок!

К горлу поднялось раздражение. Не так я представляла начало игры. Нечестно!

– Готовимся! – приказал капитан.

Сейчас нужно выбить одного из них. Если разрыв станет больше двух, боевой дух команды подорвется, а это самое опасное.

Ненавижу проигрывать.

Свисток.

Подающий, подпрыгнув на задней линии, бросил мяч. Как и прошлый, он взмыл под потолок и, едва не касаясь его, нырнул вниз, будто по поверхности детской горки. Наша команда затрепетала и засуетилась, пытаясь вычислить, на кого он упадет. Мне не стоило беспокоиться – я стояла слишком далеко; протянув руку, коснулась бы рук вражеских «пленных», стоящих в футбольных воротах на нашей стороне зала. Здесь мне практически ничего не угрожало – нетрудно догадаться, что меня берегут. Непонятно только для чего. Вышибалы – не та игра, в которой возможны резкие повороты «сюжета», так что нет нужды хранить козыри.

Особенно если у этих козырей от них только название.

Определить, кого же отправит к «пленным» снаряд, так и

не получилось – народ просто бросился врассыпную, и он с глухим стуком ударился о пол.

Что ж, не так плохо.

– Я подам, – мрачно объявил парень в черной футболке, подняв мяч и медленно направившись к задней линии. Стрелок покорно спорхнула с нее.

Одиннадцатиклассники заулюлюкали.

Взгляд сам собой зацепился за Солейля. Он стоял в передних рядах, пристально подмечая каждое движение нашего подающего, словно пытался просканировать его и предсказать, как именно тот произведет подачу. Неприятно, но ему это явно удалось – не зря его губы растянулись в легкой улыбке, а в глазах заискрилось превосходство.

Набрав в легкие как можно больше воздуха, парень в черной футболке с ревом запустил мяч. Он полетел по прямой, аккурат в Солейля – и это была огромная ошибка.

Блондин грациозно отпорхнул в сторону. Оказалось, прямо за ним стояла маленькая хрупкая девушка. Посмотришь – ей не хватит сил на перехват с такой силой брошенного снаряда. Но она, вопреки всем ожиданиям, поймала его. Скривилась, пошатнулась, но удержала.

– Я знал, что у тебя получится! Молодец! – похвалил ее Солейль. Девушка вымученно улыбнулась.

– Супер! – поднял большой палец вверх другой парень. – Давай сюда!

Она легко кинула ему мяч, и он, едва коснувшись мяча

ладонями, послал его в нашу сторону.

Скорость у него была низкая. Ничтожно. Не стоило никакого труда перехватить, но тем не менее он все равно попал в цель – в девчонку из моего класса. В попытке схватить его она прыгнула вперед, но безуспешно – тот коснулся ее запястий и отскочил в сторону. Таким образом она оказалась в «пленных».

Капитан чертыхнулся и оглядел зал затравленным взглядом. Ему явно не нравилась сложившаяся ситуация. Начало игры, а два очка уже потеряны. Смех и веселье соперников лишь подогревали обиду – и его, и команды, и мою.

– Два ноль в пользу одиннадцатого, – объявила Марина.

Свисток.

Мяч взмыл вверх настолько высоко, что, кажется, задел потолок, но свистка не последовало, и сам собой напросился вывод, что этого все-таки не произошло. Он сделал широкую дугу и направился напрямик к... нашим задним рядам!

Глаза поймали снаряд и мгновенно высчитали вероятность того, куда он попадет. Вышло, что он либо угодит напрямик в руки вражеских «пленных», либо ударится об пол, если они не успеют среагировать – а они успеют, – либо кому-то из наших удастся его поймать, и тогда мы получим лишнюю возможность сократить счет на очко.

Два шага назад – и я пересеку линию. Даже если схвачу мяч, это не будет считаться – меня дисквалифицируют, а одиннадцатый получит дополнительный балл. Арлекин сто-

ит чуть спереди и не понимает, что делать – просто смотрит на мяч. Значит, надежда на меня.

Терпеть не могу брать на себя ответственность. Не переносу, когда на меня делают ставки. Но проигрывать ненавижу еще больше.

Вся сила сосредоточилась в ногах. Полтора шага назад, прыжок со всех сил – и шершавая поверхность касается ладони.

– Да! – взревел капитан. – Сокращай отрыв, Хель!

Три шага на разбег – и бросок. Резкий, такой, что плечевой сустав издает опасный хруст на грани вывиха.

Разумеется, сила моя не так огромна. Зато контролирую траекторию я куда лучше.

Мяч просвистел над линией и свалил с ног одного из противников. Он просто не сумел вовремя осознать, куда придется удар.

– Два – один в пользу одиннадцатого! Счет сократился на очко!

– Черт возьми, да!

Восклицание капитана было совершенно немудреным, однако боевой дух команды подняло на раз-два. Зато настроение соперников омрачилось – потемневшие глаза и сосредоточенный вид Солейля убеждали в этом как ничто иное.

Два – один. Пустяковый счет. Все еще впереди. Но одиннадцатиклассников наш маленький успех, ничтожная победа, изрядно задел – они наверняка надеялись выиграть

всухую. Впору бы злорадствовать, да вот только нужно дойти до двадцати – за это время нас могут втоптать в грязь так, что не оправишься. Поэтому непозволительно расслабляться.

Солейль, может, и выглядит, как ангел, а должность капитана получил наверняка не за красивые глаза. Или, по меньшей мере, не только за них. Неизвестно, что он может сделать ради того, чтобы мы познали вкус поражения...

* * *

Еще одно очко – и счет сравняется. Дальше проще – воодушевленные, мы начнем двигаться вперед семимильными шагами, не обращая внимания на возникающие препятствия. Это не домыслы, а факт. Люди склонны отчаиваться, но они также могут и воспрянуть, убедиться в своем триумфе, разрушить любую стену.

Одиннадцатиклассники, с какой стороны ни посмотри, были стеной, широкой, прочной. Их расстановка, физическая форма, манера игры – все говорило о том, что так просто их не сломить. Они, привыкшие побеждать, совершенно не умели проигрывать, и наш успех мог вызвать их ярость, а ярость, как известно, лучший в мире двигатель. Однако мы тоже не так предсказуемы.

Солейль смотрел с любопытством и снисходительностью. Это подняло во мне волну обиды – да кто любит, когда кто-то считает себя настолько выше остальных, что принимает

их за умильных щенков, крутящихся под ногами. Готова голову отдать на отсечение, именно так он нас и воспринимал: как зверят, показавших зубки, еще не способных принести какой-либо вред, лишь так, слегка поцарапать, всего-то до пары капель крови, и был уверен, что сумеет одним пинком разогнать нас и заставить поджать хвосты.

– Хель, займи место Герды, – распорядился капитан.

Я перебежала в средний ряд. Арлекин проводила меня ободряющим взглядом. Оттуда она меня, конечно, не прикроет, но не думаю, что это на самом деле так необходимо – словила один раз, словлю и второй. Даже если кинут так, что переломают кости.

– Похоже, они решили укрепить оборону, – послышалось со скамеек.

– Да-да, Хель же вроде сильная, значит, решили применить ее способности...

– Так быстро? Эй, я ожидал, нас подольше подержат в напряжении!

– Согласна-согласна! Два один всего лишь только! Не дошли даже до десяти, а уже задействуют Хель!

Я кожей ощущала множество взглядов, направленных на меня – возбужденный от Марины, которой не терпелось увидеть, на что я способна, оценивающий от Солейля, нетерпеливый от простых зрителей и еще один, ни на что не похожий. Уже несколько раз перед свистком я поворачивалась, пытаюсь разобрать, кому же он принадлежит, такой и теплый,

и холодный одновременно, но безуспешно – не хватало времени.

Свисток.

Мяч был наш, и держала его Стрелок. Как и ожидалось, честь открыть нам дыхание оказали ей как лучшему подающему. Она стояла на задней линии, глубоко вдыхая. Спустя несколько секунд она сделала шаг назад и выполнила бросок.

Мяч сделал ровную дугу. Задние ряды одиннадцатого класса заметались, но не смогли ничего сделать – он попал к нашим «пленным».

За членами команды было не разглядеть их действий, но восторженный вой и последовавший за ним свисток показали, что они справились и выбили, судя по всему, кого-то стоящего рядом с ними.

– Два – два! – объявила Марина.

На этот раз реакция моих товарищей была не такой бурной, как при первом заработанном очке, но воздух нагрелся от радости. Само собой я покосилась на Солейля. Он пожал плечами и начал что-то говорить своим ребятам – наверное, новая тактика. Вслушиваться не было ни возможности – слишком громкий гул голосов на фоне, – ни желания. Хотя, пожалуй, следовало бы – вдруг узнала бы что интересное?

Свисток.

Наш мяч. На задней линии та же Стрелок – ее последняя подача, нельзя больше двух зараз. Не решающая, но все же если с ее помощью удастся выиграть очко, будет неплохо.

Она сделала глубокий вдох, и снаряд взмыл вверх.

– Грей, лови! – ахнули на той стороне зала.

Парень в синей футболке подпрыгнул вверх, как на батуте. Сердце сделало сильный удар – нет, невозможно так высоко!

Приземлился он с таким грохотом, что, казалось, школа начнет обваливаться в этот же момент, и мы окажемся погребены под балками. Ухмыляясь, он держал наш шанс в руках.

Я выругалась тихо, но содерзжательно.

Хмыкнув, он принялся демонстративно разминать плечевые суставы, словно говоря: «Сейчас от вас мокрого места не останется». На первый взгляд могло показаться, что это всего лишь демонстрация повышенного чувства собственного величия, но на самом деле довольно удачный ход – заставить противников ждать, нервничать, накручивать на себя и в итоге проиграть.

Живот скрутило от отвращения. Впрочем, на то они и лисы, чтобы использовать грязные трюки, при этом не нарушая правил. Волки наверняка постоянно проигрывают не из-за отсутствия сил или умений, а своей бесхитрости, по которой лисы и бьют.

Одиннадцатиклассник встряхнулся и с громким свистом пульнул мяч в другой конец зала.

Наши не успевали понять, как его поймать и, боясь быть выбитыми, отступали в стороны. Я утешалась мыслями, что это не так уж ужасно – зато у нас не отберут одно очко за

выбывшего члена команды.

Однако было бы куда лучше...

– Два – два, мяч десятого.

– Дайте мне, – потребовал парень в черной футболке. – Я кого-нибудь да вышибу!

Звучало это с такой угрожающей уверенностью, что ему доверили бросок. И не зря.

Он подпрыгнул вверх, и снаряд полетел с такой силой, что воздух зазвенел, словно разрезаемый стрелой. Попал он прямо в ту девушку, которая схватила его в прошлый раз, когда он кидал, после того, как Солейль отошел в сторону. Она болезненно вскрикнула, по инерции отойдя на несколько шагов назад.

– Три – два в пользу десятого!

Солейль похлопал ее по плечу, и она вяло поплелась занимать позицию среди «пленных». По его губам удалось прочитать: «Мы еще отыграемся».

Я мрачно подумала: «Да кто же вам позволит».

– Молодец! – похвалил капитан парня в черной футболке. – Еще раз!

– Да с радостью!

– Приготовились, пошли!

Свисток.

Он снова бросает. Мяч набирает скорость, но... Его перехватывает Солейль – играючи, словно нечто незначительное, пустяковое, – подкидывает вверх и склоняет голову к плечу:

– Далековато вы забрались, не находите?

Слова вырвались из горла неожиданно даже для меня:

– А ты так давно забрался на трон, что уже забыл, как быть хорошим королем?

Зрители на скамейках, не вслушиваясь в наши диалоги, продолжали чесать языками, но все, кто участвовал в игре, замерли. На лицах одиннадцатиклассников отразился обескураженный испуг, словно я оскорбила бога.

Пожалуй, будь я в более адекватном состоянии, не столь расшатанном и раздраженном, промолчала бы. Проглотила эмоции и выместила их на снаряде, возможно, отвоевав еще пару очков, но предпочла выплеснуть их в воздух, о чем в пору было пожалеть. Однако разум затягивала пелена насмешливого презрения, и я не могла прикусить язык.

С каждым словом взгляд Солейля становился жестче.

– Заговариваешься, – без выражения произнес он, особенно сильно ударив мячом по полу. Это следовало рассматривать как угрозу.

– Слишком много о себе думаешь, – не осталась в долгу я.

– Я мог бы тебя простить, в конце концов, ты у нас всего лишь несколько дней и еще не знаешь, что к чему, но ты чрезмерно груба, поэтому тебя придется проучить...

– Ты ничтожество, раз опускаешься до патетических речей.

В голубых глазах вспыхнула ярость. И меньше чем через секунду мяч полетел прямиком в меня. Закрученный, едва

ли не искрящийся. Мне даже померещилось, что он рычит, готовясь раскрыть гигантскую пасть и поглотить меня целиком и полностью. Словно этот наглец послал вместе с ним весь свой гнев.

Только он не учел того, что гнев я испытываю хоть и не постоянно, но часто. Поэтому мне, пусть и не без усилий, удалось схватить снаряд – обхватить его руками, чтобы не выпускать во что бы то ни стало, стерпеть боль от удара в живот и сбившееся дыхание, проигнорировать горящие ладони и с оскалом поднять голову, язвительно протянув:

– Говорила же, все не так просто, белобрысый.

* * *

– Восемнадцать – двенадцать в пользу одиннадцатого!

Я едва устояла на ногах, так и норовящих подкоситься. Легкие разрывало на лоскутки, пот тек по лицу и застывал на ресницах. Впрочем, даже если бы ничто не застилало глаза, ход игры вряд ли бы развернулся в нашу пользу, как ни больно это признавать, – одиннадцатый вошел в раж и представлял собой уже не просто стену, а сметающий все на своем пути ураган, в глубине которого метал молнии Солейль.

Мысли выжигала бешеная злость. Я не сопротивлялась тому, что раздирало меня изнутри, напротив – принимала и давала управлять собой. Ярость позволяла двигаться резче и быстрее, приглушала боль от ударов и не позволяла оста-

навливаться. В игре остались лишь я и Арлекин – остальные кучковались в зоне «пленных». Я выполняла функции атакующего, со всей силы кидая мяч, и успела оставить на нем пару заметных следов, а Арлекин ловко уклонялась от снаряда, обеспечивая нам подачу. Реакцией она обладала завидной. Капитан выкрикивал дельные советы и указания с противоположного конца зала.

Рыжая с треском вырвала нам несколько очков, но особой роли это не сыграло – отрыв стремительно увеличивался. Мы могли только сопротивляться и стараться не упасть в грязь лицом, хотя, по моему мнению, мы уже это сделали.

Я окончательно выдохлась и корила себя – неужто нельзя было во все предыдущие годы жизни повисить выносливость?! Побегала сорок минут по залу и уже не в силах нормально вдохнуть!

Усугубляло ситуацию также и то, что Солейль непрерывно смотрел на меня, унизительно возгордившийся. Порой он подкидывал мяч вверх, будто издеваясь: «Давай же, поймай». Чувствовала я себя при этом как мелкий котенок, валяющийся в ногах старушки и силящийся зацепить шерстяной клубок кончиком когтя.

Самое обидное – он будто лишь чуть запыхался. Утешало лишь то, что и среди них некоторые ребята были явно готовы упасть и уснуть на месте.

Шансы выиграть сводились к нулю. Только мы проводили удачную атаку, одиннадцатый отбрасывал нас в сторону. Я

закипала – кто-то говорил, что матчи жаркие, ибо и мы, и они довольно сильны, а я видела только их силу, но никак не нашу!

– Ну, что делать будешь, котенок? Может, сдадитесь? И нам, и себе время сэкономите.

От этого приторного «котенок» захотелось в срочном порядке всунуть в глотку два пальца и хорошенько прочиститься. От Солейля подобное звучало вдвойне отвратительно.

– И не мечтай, – фыркнула я. – Дальше!

– Как пожелаешь, – отвесил он насмешливый поклон и с легкостью передал мяч своему товарищу.

Тот, ухмыльнувшись, отошел на заднюю линию и, свистнув, пульнул его в воздух. На секунду тот завис под самым потолком, а затем спикировал вниз.

Я стояла слишком далеко.

Дыхание сбилось окончательно, но я прохрипела:

– Арлекин!

Она рванула вперед, так что лишь копна огненных волос колыхнулась за спиной, и рыбкой прыгнула, пытаясь заполучить мяч, но он лишь отскочил от ее запястий и докатился до «пленных» одиннадцатого на нашей территории.

– Девятнадцать-двенадцать в пользу одиннадцатого!

Я выругалась.

Встала она, пошатываясь, так что мне пришлось подбежать к ней и поддержать, чтобы не дать ей упасть.

– Прости, – всхлипнула она. – Подвела.

– Ничего страшного. Иди отдохни. Я как-нибудь справлюсь.

Хотя кого я обманываю? При таком-то счете...

– Сдавайся, – пропел Солейль. – Тогда я даже прощу тебя.

– Да кому нужно твое прощение!

Его перекосило.

– Дай мне мяч! – крикнул он, резко разворачиваясь и ловя снаряд, даже не глядя на него. – Молись, котенок.

Я ничего не ответила, лишь приняла стойку и мельком подумала, что не так должна заканчиваться игра.

Солейль напрягся, глубоко вздохнул и совершил бросок. Даже среагируй я в ту же секунду, не успела бы уклониться – так или иначе он задел бы меня. Я честно сделала попытку перехватить его, но успехом та не увенчалась – он заехал мне прямоком в лоб. Кажется, я услышала колокольный звон, но это уже не имело значения – темнота с тихим бульканьем поглотила сознание.

* * *

Раньше я никогда не задумывалась о том, что есть хаос. Это слово встречалось в книгах, в фильмах, везде, даже в вечерних выпусках новостей, но его смысл всегда оставался расплывчатым, как нечто находящееся в зоне недосягаемости, что-то, что невозможно постичь. Причин я не искала. Меня устраивала неприкасаемость хаоса, его призрач-

ность, нереальность.

Возможно, я не могла понять его потому, что жизнь моя текла в одном и том же русле. Семнадцать лет меня окружало одно и то же. Лишь раз сменились декорации, но действия остались неизменными. Мое бытие – вакуум без кислорода и красок, шар, наполненный мутной водой, который не пробить ни голыми руками, ни холодной сталью. В нем не место беспорядку и непредсказуемости – здесь властвует неподвижность.

И почему меня назвали Хель, а не Статикой?

Однако сейчас, впервые на моей памяти, меня окружал хаос. Хотя прежде мы и не были знакомы лично, я сразу догадалась, что это он. Жульжащая темнота под ногами с рычащими в глубине неведомыми тварями, воронка гула над головой и раскинувшееся во все стороны необъятное пространство, где с воем бродит ветер. Рычащая тьма вокруг, расширяющаяся пасть все шире, затягивающая все глубже и так и норовящая сомкнуть свои кинжалы-клыки. Только что-то не давало ей этого сделать, из-за чего я ощущала себя мечом в пасти гигантского волка Фенрира.

Не знаю, сколько я стояла так, не двигаясь и боясь закрыть глаза. Однако продолжать так дальше было нельзя. Нужно идти куда-то. Только куда? Здесь не существовало материального, не действовала сила притяжения и не имела власти геометрия, поэтому направиться можно куда угодно. Даже внутрь себя.

Только погрузиться в свою душу не хотелось – почему-то казалось, что там я утону и точно не вернусь, куда следует. Поэтому я по привычке повернула направо.

Стекло звенело под давлением прятавшихся чудовищ, и я дрожала от ужаса, ожидая, когда что-то схватит меня за щиколотку и утянет в небытие. Но опора держалась, и я шла, шла и шла, и смирившаяся с возможным исходом, и страшась его.

Вдруг стекло звякнуло, пошатнулось, накренилось так, что пришлось судорожно взмахнуть руками, чтобы сохранить равновесие, но законы, которым подчинялись все в реальном мире, здесь ничего не значили. Я уже падала, но все еще держалась.

Темнота треснула. Белые светящиеся змейки, слепящие глаза, разбежались паутиной, словно в мою невидимую дорогу кто-то кинул камень, проломив ее. С трудом подчинив себе ноги, я отпрыгнула в сторону, но не успела – вместе с осколками полетела вниз. Их звон перекрыл ликующий вой монстров.

Не успела я закричать и позвать на помощь, как воздух выбило из легких лютым холодом. Тело пронзили острые иглы, я попыталась вдохнуть, но вода хлынула в рот. Понимая, что отправлюсь на тот свет, я поспешно зажала губы руками и рванулась к поверхности.

Однако что-то не давало подняться. Я плыла, плыла, плыла, но глади достичь не могла, хотя, казалось, она мер-

цала совсем рядом. А кислород сгорал, пятна плясали перед глазами, чужие клыки царапали кожу.

Утопать было мучительно больно. Конечности деревенели, органы заливала соленая от собственной крови вода, но благодатное забытье все не приходило.

Будь у меня возможность, я бы умоляла о расправе.

Чернота окрасилась пронзительно-бордовым.

Я почти потеряла связь с реальностью, когда вода взбурлила. Подняв свинцовые веки, я увидела, как мощные волчьи челюсти смыкаются на ворота моей рубашки, и животное тащит меня вверх под еле слышимый лающий смех кого-то другого. Кого-то злобного, безумного. Одержимого.

С первым вздохом все исчезло.

Я открыла глаза. На этот раз по-настоящему.

* * *

Кожа слиплась от пота, горло словно сдавили раскаленной леской, так что пальцы непроизвольно потянулись к шее, чтобы проверить, все ли в порядке. Ожогов и ран не обнаружилось, равно как и промокшей одежды – сон, сон, просто сон. Кошмар, иллюзия, обман.

Кто-то невесомо прикоснулся к моей спине, заставив меня дернуться, рефлекторно отползти назад, прижаться к чему-то твердому – к стене или к изголовью.

– Тс-с-с, – успокаивающе протянул мягкий женский го-

лос. Я честно попыталась успокоиться, сделала несколько медленных вдохов, чтобы окружающий мир перестал расплываться, и сфокусировала взгляд. Рядом сидела женщина – не очень высокая, в белом халате.

Школьная медсестра? Вполне вероятно – где еще я могла оказаться после того, как меня вырубил мячом?

– Опомнилась, – заботливо констатировала она. – Болит что-нибудь? Голова кружится?

Видимо, взгляд мой был весьма красноречив:

– Понимаю. У тебя ничего серьезного, но в больницу лучше сходить на всякий случай. Пусть тебя хороший врач осмотрит...

Ее прервал скрип приоткрывшейся двери. В помещении показалась черная макушка.

– Здравствуйте. Можно?

– Конечно, Изенгрин, проходи. Ты чего так надолго в школе задержался? Пять часов уже, занятия давно закончились.

Пять часов? Однако долго же я пролежала без сознания...

Волк переступил порог:

– Задержался на дополнительной истории. Нужно было помочь учителю распределить задания. Вы же знаете, он постоянно путается в бумагах.

– Да, Профессор у нас такой. Прходи, располагайся. Может, чаю?

Однако, какая она дружелюбная.

– Не откажусь.

Волк присел на кушетку в полуметре от меня. Я подтянула к себе колени и нахохлилась.

– Слышал, в тебя мяч попал. Голова сильно болит?

Несколько секунд я молчала, взвешивая, отвечать ли. Решив, что молчать невежливо, лениво признала:

– Болит не очень. Кто поделился сведениями?

– Арлекин. Она переживала, расплакалась. Просила извиниться за нее, ей очень нужно было бежать, – он слегка улыбнулся. – Думаю, тебе стоит подготовиться к бурной встрече утром. Если не пропишут постельный режим, конечно.

Я невольно улыбнулась, представив трогательно виноватое лицо Арлекин:

– Пожалуй, да.

Я бы и сама предпочла отправиться домой, но не рискнула, предположив, что медсестра сообщит что-то важное.

Вернулась она с тремя полными кружками, из которых к потолку вился пар со смутным ароматом трав.

– Держите, ребятки.

Я с благодарностью приняла большую синюю с нарисованным волком в галстук и надписью: «Работа не волк, в лес не убежит». Она обожгла ладони, и я поспешила перехватить ее за ручку. Изенгрин поставил свою, зеленую в черную клетку, на колени и подул на жидкость. Я же хлебнула сразу, обожгла губы и язык.

– Так что тебе нужно? – напомнила медсестра, обратившись к волку.

– Юки-онна просила вам передать папку с данными ее учеников, которые вы просили неделю назад. Сказала извиниться за долгое ожидание, младшеклассники забывчивые.

– Что верно, то верно. Но ничего страшного, это было не настолько срочно.

Изенгрин переставил кружку на кушетку, чтобы та не перевернулась, и выудил из рюкзака коричневую картонную папку с торчащими белыми листами. Медсестра кинула ее на стол.

– А в тебя кто так попал? – поинтересовалась вдруг она.

Перед глазами встал образ женоподобного блондина с наглой ухмылкой; кулаки зачесались от желания пойти и врезать по его смазливой роже.

– Солейль, – прошипела я, утыкаясь в чай. Имя прозвучало, как синоним слову «ублюдок».

Изенгрин с утомленным вздохом покачал головой:

– Всегда он так.

– Вы знакомы? – удивилась я.

– С детства. Во дворе вместе бегали и ремнем от родителей за проделки получали, – он слегка улыбнулся. – Изначально даже думали, что, перейдя в гимназию, в один класс попадем, но нет, раскинуло по разные грани баррикад. Ты уж прости его. Вероятно, в этот раз его просто довели.

Я пожала плечами:

– Не за что прощать. Это я была невнимательной, могла бы и уклониться от мяча, так что его винить тут не в чем.

– Спасибо.

– Не стоит.

Я сделала большой глоток. Чай успел чуть остыть, и букет вкуса распустился во рту в полной мере. По горлу к животу прокатилась теплая жидкость, согревая внутренности. Захотелось даже прикорнуть, хотя, казалось бы, куда еще спать, столько часов и так провалялась без сознания.

За окном постепенно сгущались сумерки. До дома добраться всего лишь пятнадцать минут, но сомневаюсь, что в таком состоянии дойду быстро. Пока соберусь, ночь вступит в свои права, так что необходимо поторапливаться.

Я вежливо откашлялась и поставила кружку на ближайшую пустую полку:

– Спасибо за угощение, очень вкусно. С удовольствием еще бы тут с вами посидела, но мне пора, а то не успею затемно.

– Давай-ка вызову тебе такси, – спохватилась медсестра, уже потянувшись к телефону, но я воскликнула:

– Нет-нет! Не надо такси!

На меня уставились две пары удивленных глаз. Кровь прилила к щекам.

– Почему? – спросила женщина.

– Мне не нравится ездить с незнакомыми людьми, – замявшись, призналась я.

– Я ее провожу, – вызвался вдруг Изенгрин. – Мне несложно.

Женщина облегченно выдохнула:

– Ох, спасибо тебе большое. Обязательно напиши, когда она будет дома.

За меня все решили. Главное, чтобы родители не заметили, что я в сопровождении. На опоздание-то наплевать – наплету, что игра задержалась. Про удар по голове ничего не скажу. Но вот то, что я якобы общаюсь с молодым человеком, чрезвычайно взволнует маму. Кому это нужно? Разве что сумасшедшему, а я пока что в своем уме.

* * *

Темнота нагнетала обстановку, так что мурашки по спине бежали не столько от холода, сколько от ощущения смутного страха. Впрочем, с ним удавалось бороться – то ли я оказалась храброй, то ли присутствие Изенгриня сглаживало углы. Хотя он и сам внушал опасения, все же с ним рядом я чувствовала себя в безопасности. В противостоянии со злом бóльшим лучше довериться злу малому.

Так как лед толстыми наростами покрывал асфальт, я часто поскользывалась, и Изенгрин ловил меня то за руку, то за шиворот.

Не то чтобы он мне нравился. От остальных он отличался разве что устрашающим взглядом и давящей аурой. Однако его молчаливость не могла не импонировать. Именно из-за нее и его спокойствия с ним было уютно, хоть и жутковато.

К дому мы подошли, когда уже зажгли фонари. Волк подал мне рюкзак:

– Еще не надумала сходить на занятия к нам?

– Честно говоря, вообще об этом не размышляла.

– Завтра у десятого хорошие уроки. Литература, два русских языка, биология, история и английский.

– Ты наизусть расписание не своего класса знаешь?

– Гери в десятом.

– И что с того?

– Он прогуливает часто, и я должен знать, к каким учителям тащить его извиняться или писать пропущенные работы.

Бедный младший братишка Гери.

– Не знаю... – вздохнула я. – Правда. Но обещаю подумать. Если решу идти, куда подходить?

– К кабинету литературы. Расписание с номерами аудиторий висит на доске объявлений за раздевалкой, у ИЗО. Надеюсь, решишь попробовать. Вдруг тебе у нас понравится.

– Вряд ли. Я гуманитарий, а у вас напор на точные науки.

– Их легко понять. А если что, можешь всегда обращаться ко мне, я разьясню.

– Спасибо на добром слове. Ладно, я пойду, пожалуй...

– Конечно. Приятно было пообщаться. Отдохни как следует.

– Взаимно. Спасибо.

Мы пожали друг другу руки на прощание и разошлись: он

зашагал дальше по дороге, а я нырнула в подъезд. Воображение уже рисовало тепло одеяла, скрип карандаша по бумаге и шершавую поверхность кисточки. Все внутри бурлило от желания как можно скорее нарисовать волка, явившегося в кошмаре. От воспоминаний о воде, тьме и монстрах хотелось кричать, но волк – восхищал. Мощные челюсти с острыми клыками, горящие серые глаза, темная лоснящаяся мокрая шерсть, сильные лапы...

Я нажала на кнопку и услышала, как внутри раздалась трель звонка. Топот ног оповестил, что открывать мчится брат. В лесу что-то померло, не иначе.

Щелкнул замок, в лицо ударил теплый воздух, пропитанный аппетитным ароматом ужина. Живот скрутился в узел – только сейчас я осознала, что не ела практически весь день.

– Ия вернулась! – заорал братец так, что у меня заложило уши.

Из кухни показалась мама:

– Привет. Как игра?

Я выдавила хилую улыбку:

– Отлично. Прости, мы немного задержались.

– Ничего. Ты голодна?

– Немного.

– Тогда положу тебе. Переодевайся и проходи к столу. Можешь взять еду в комнату, мы уже поели, компанию тебе не составим.

Какая щедрость. Обычно мама категорически запрещает

есть вне кухни, дескать, неэстетично. Будьте добры, не портить диваны и письменные столы пятнами от кетчупа.

– Спасибо. Папа дома?

Мама отрицательно покачала головой:

– В командировке. Будет только ночью.

Как кстати! Значит, сегодня можно жить спокойно. И завтра, если незаметно ускользну с утра.

– Так нечестно, – надул губы брат. – Он обещал привезти мне новую игру сегодня!

Мама потрепала его по темным волосам:

– Привезет чуть позже. Папа когда-нибудь нарушал свои обещания?

– Нет, – нахмурился мальчишка.

Это в отношении тебя он ничего не нарушал, а стоило мне что-то попросить – и приходилось выпытывать, ведь просьба мгновенно выветривалась из его головы.

Я дотащила рюкзак до комнаты и примостилась на кровать. Тело ломило, голова гудела, ноги отнимались. Хотелось лечь и не вставать, погрузиться в вечный сон. Жаль, что завтра только четверг. Еще никогда я не уматывалась так меньше чем за неделю. словно уже весь второй триместр проучилась.

Скрепя сердце, преодолевая напряжение в мышцах, стянула с себя форму и влезла в домашнюю одежду. Ела все-таки на кухне под шелест телевизора. В происходящее на экране так и не вникла, но шум помогал держаться за реальность.

Кстати, у волков, получается, занятия завтра те, что у лисов будут послезавтра. Если пойду к ним, не нужно будет напрягаться. Конечно, опять незнакомые люди, но лучше так. К тому же там Гери – он хоть и неприятный тип, зато знакомый и друг Изенгрина.

Решено. Завтра иду к волкам.

* * *

Проснувшись, я не чувствовала ни плеч, ни шеи: умудрилась заснуть в рабочем кресле, укутавшись в толстый плед и так и не выключив настольную лампу, с карандашом в онемевших пальцах. Тело превратилось в сплошной сгусток страданий, однако я все же откинулась на спинку кресла, с кряхтением опустила ноги на пол. Жутко чесалось лицо: к щекам прилипли частички грязного ластика и обломавшиеся стержни автоматического карандаша.

Настроение поднял лишь лежащий на столе рисунок.

Лист казался зеркалом, к которому с другой стороны вплотную подошел волк; его морда занимала практически всю площадь. Распахнутая пасть с клыками-кинжалами, острые уши, шерсть, переливающаяся от черного к серому, и глаза, огромные, голубые, печальные, будто на них вот-вот выступят человеческие слезы. Он не выглядел агрессивным, не рычал и не угрожал, а словно звал, пытался достучаться до кого-то, и я почти слышала скуление из далекого мира,

где он находился.

Я провела по рисунку кончиками пальцев, и их коснулось едва уловимое звериное жаркое дыхание и нечто липкое, будто их кто-то лизнул. Я отдернула руку.

Волк вышел слишком живым.

Я напрягла память, но вчерашний вечер из нее будто стерли. Удалось поднять на поверхность, лишь как я накинула на плечи плед и провела первую карандашную линию. Дальше – пустота.

Как бы то ни было, временем на размышления, куда делся вчерашний вечер, я не располагала. Стрелки часов тикали к двадцати минутам восьмого. Следовало спешить, чтобы не опоздать – сегодня я не могла позволить себе такой наглости, ведь иду не к более или менее привычным лисам, а к чужакам-волкам. Не хотелось бы вызывать недовольство их учителей.

Рисунок я аккуратно передвинула к пустому концу стола, чтобы его ничто не помяло. Тот вышел слишком красивым, чтобы оставлять его в папке с остальными или вешать в один ряд с набросками на стене. Нужно отдельное место, заметное.

Форма слегка помялась, но выглядела вполне приемлемо. Переодевшись, я провела расческой по волосам, закидала учебники в рюкзак, нырнула в ванную, ничуть не заботясь о том, что родители или брат могут заметить, умылась и полностью готовая пошла к шкафу, где висела куртка. Следова-

ло как можно быстрее застегнуть молнию и бежать на занятия, чтобы прийти чуть-чуть пораньше и разобраться, что, где да как.

Хотя Изенгрин сказал, что все будет как обычно – наверное, придется подольше посидеть в школе. Скажем, на стульях в «вакууме» – площадке в конце коридора, где обычно веселятся младшие классы и списывают друг у друга старшие, руководствуясь принципом «на видном месте никто не заметит».

Я выудила ключи из кармана, набитого жвачкой и пятидесятирублевыми купюрами, и распахнула дверь.

На подходе к школе от спешки даже волосы под шапкой вспотели, и я стянула ее прежде, чем оказалась внутри.

Непослушные пряди упали на лицо и загородили обзор. Отмахиваясь от них, чтобы не щекотали нос, и параллельно расстегивая куртку, я почти добралась до гардеробной. До нее оставалось всего лишь несколько шагов, но сделать их мне было не суждено – кто-то резко вывернул из-за угла, и я, не успев среагировать, врезалась в него.

– Воу-воу-воу, полегче! – раздался хохот сверху. – Спешешь куда? Не будь я таким крепким, ты сломала бы мне ключицу.

Этот грубый насмешливый голос был неповторим, и я догадалась, с кем меня свела нелегкая, еще до того, как подняла взгляд.

– Доброе утро, Гери. Прости.

Волк с лающим смехом отмахнулся:

– Не парься, с кем не бывает. В следующий раз закалывай волосы чем-нибудь.

От Гери исходил концентрированный аромат одеколона, и я чихнула, уткнувшись в воротник собственной куртки.

– Будь здорова, – вежливо произнес он.

– Спасибо. А ты что тут делаешь? Изенгрин ждешь?

Он коварно усмехнулся:

– Ты его уже по имени зовешь?

Я передернула плечами:

– У нас же разница в возрасте не двадцать лет, в конце концов.

– Ясно все, – хмыкнул он. – Жду я тебя.

– Зачем? – удивилась я.

– Изенгрин был уверен, что сегодня ты идешь заниматься с нами и, само собой, попросил меня поддерживать тебя в этот день.

– Мне воспринимать это как комплимент?

– Да. Раньше ему вообще было без разницы, кто к кому идет, так что можешь по праву считать себя первой, кто заставил его следить за статистикой. Ты действительно сегодня с нами? Если нет, я пойду. Не понимаю, чего Изенгрин так нервничает по поводу твоей безопасности, мы в школе, а не на поле боя.

– Можешь идти, куда хочешь.

– Ну уж нет! Я у Изенгрин в должниках, так что его

просьбу выполню. Ты вроде бы даже немного симпатичная.

Я скривилась – сомнительная похвала. Терпеть Гери или страдать из-за домашки? Сложный вопрос, требующий долгих размышлений. Я решила все считать лоточкой, пока мы шли к лестнице и Гери молот языком.

Терпеть Гери.

– Будут какие-нибудь инструкции по поведению? – лениво поинтересовалась я, когда мы уже приближались к дверям кабинета, возле которых в стаю сбилась часть второго состава моих потенциальных одноклассников.

Волк пожал плечами:

– У нас не так мудрено, как у хитромордых. Просто не демонстрируй благосклонность к рыжим. Наблюдай, анализируй, думай, кто лучше – мы или лисы. Не лезь в первые ряды, у нас не любят выскочек.

Примерно когда мы находились метрах в трех от волков, они замолкли. На секунду я замерла – десяток, не меньше, жестких взглядов ударил по сознанию, как молот по голове.

– С добрым утром, – протянул Гери.

– Привет, – кивнул какой-то парень с ежиком крашенных красных волос и большими квадратными очками на носу. – Это кто с тобой?

– Брейн, никогда в жизни не поверю, что ты не в курсе чего-то, происходящего в школе.

– Возможно, Хель?

Очнулась я, лишь получив толчок локтем от Гери. По-

спешно протянула парню руку:

– Хель, очень приятно.

Он ответил на рукопожатие:

– Надеюсь, мы найдем общий язык.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но меня прервал дикий смех Гери:

– О, ребята, в вас я даже не сомневаюсь!

Он беспардонно закинул руку мне на плечо.

– Так ты решила с нами поучиться? – спросила высокая девушка с толстой черной косой. – Удивительно. Мы уж думали, ты полностью с лисами слилась и шансов нет. Почти обиделись.

– Не нужно обижаться. Рано или поздно я бы попросила вас показать мне вашу систему обучения, так или иначе.

– О? Почему же?

– Хочу, чтобы пребывание здесь было комфортным. Для этого нужно сделать правильный выбор, а как его сделать, если не испытала все на практике?

Девушка согласилась:

– Пожалуй, в этом есть логика.

И кривовато усмехнулась. Я улыбнулась в ответ.

* * *

Учительницу – пожилую даму, – звали Британией, и, глядя на нее, нельзя было не вспоминать величественные двор-

цы, королевские портреты в широких золотых рамах и развевающиеся перламутровые плащи. Она сама будто бы сошла с одной из картин восемнадцатого века – ровная осанка, гордо вздернутый подбородок, тугие седые кудри, родинка на подбородке. Говорила она вкрадчиво, но так, что слышали все; размеренно, но не нудно.

Слушать ее чуть ли не с затаенным дыханием не мешало даже то, что рядом сидел Гери, с чьей части парты постоянно раздавался раздражающий шорох. Он то стучал пальцами по парте, то постукивал ногой по полу, то царапал ручкой поверхность стула. Остальные волки вели себя тихо, но ощущалось, что литература их не манила. Впрочем, Изенгрин упоминал, что им ближе точные науки. Серость атмосферы раздражала, но я успокаивала себя тем, что могло быть и хуже.

Некоторые из учеников не скрывали любопытства ко мне – поворачивались спиной к учительнице и разглядывали меня. Британия стучала указкой по столу, и казнь глазами прекращалась, только чтобы начаться заново.

Экзекуция прекратилась, когда что-то щелкнуло, и из радиодинамиков раздался голос учительницы информатики:

– Хель, Изенгрин и Солейль, пройдите в спортзал, срочно. Повторяю: Хель, Изенгрин и Солейль, пройдите в спортзал, срочно.

Я опешила – зачем идти в спортзал сейчас? – и тут же скрипнула зубами: Солейль тоже будет там. С гораздо боль-

шим смирением я наблюдала бы насмешливую ухмылку Пака. Однако делать нечего. По радио вызвали – со здешним менталитетом меня и без того кто-нибудь обязательно туда притащит.

– Какой следующий урок и в каком он кабинете? – уточнила я у Гери. – Смотаюсь быстро и приду.

– Русский язык, четыреста двадцать шесть, второй этаж.

В положенное место я практически побежала.

В этот раз удалось не заблудиться и даже не затормозить, используя ориентиры вроде цветов в углах и царапин на диванах. Площадка перед спортзалом пустовала, и я предположила, что все приглашенные уже внутри. Предварительно постучав в дверь, вошла.

Как и ожидалось, Изенгрин и Солейль сидели рядом на одной из скамеек и что-то увлеченно обсуждали. Изенгрин приветливо помахал рукой и сделал пригласительный жест, Солейль скривился. Меня перекосило больше от его выражения лица, нежели от самого его вида – будто принц, которому на ладони прыгнула жаба.

– Привет, Изенгрин, – нарочито буднично поздоровалась я, и Солейль закатил глаза.

– Привет, Хель. Как прошел урок? – тут же приветливо откликнулся волк.

– Мне понравилось.

– Ну так и вали к волкам, – фыркнул Солейль. – Не пятнай честь лисов.

– Ты бы молчал, – буркнула я, – королек.

Наверное, он дал бы мне пощечину, не останови его Изенгрин, рывком посадивший его обратно на скамейку:

– Не бесись.

– Меня один ее вид вымораживает!

– Поверь, это взаимно, – осклабилась я.

– Давай, давай отгавкивайся.

Мы бы испепелили друг друга, не прерви нас Марина:

– Ну все, ребята, хватит собачиться. Вы тут не для этого.

– Для чего же? – озвучил мучивший всех вопрос Изенгрин.

Учительница улыбнулась, однако улыбка эта не предвещала ничего хорошего и, судя по напряженному выражению лица Изенгрин и нервно поджатым губам Солейля, я была права.

– О, я просто хотела сообщить, что Хель не помешали бы хорошие тренировки. У нее большой потенциал, и, если его развить, она смогла бы стать нашим главным козырем для победы на городских соревнованиях. Давно пора одолеть сорок пятую школу. Увы, у меня нет времени, а вот вы, ребята, профессионалы; смогли бы слепить из нее прекрасную спортсменку. Поэтому я прошу вас стать ее тренерами. В этом году мы проиграть не имеем морального права.

В помещении установилась абсолютная тишина, нарушаемая лишь воем ветра снаружи.

Улыбка Марины стала шире.

Арлекин-II

Синяки на шее не сходили. Наверное, многим они показались бы уродливыми, но мне они напоминали бусы. Если бы люди осознали, как драгоценны эти следы, я с удовольствием ходила бы, не пряча их под шарфом, однако пришлось удовлетвориться тем, что их будет скрывать подарок, пожалованный Солнечным Господином.

С утра я провела в ванной около получаса, грея руки под струей горячей воды и рассматривая синяки, принявшие причудливую форму цветочной вязи. Точь-в-точь татуировка одного моего одноклассника; они завораживали. Так я и не замечала утекающих минут, откидывая за спину надоедливые рыжие локоны, словно пытавшиеся скрыть орнамент, как нечто порочное.

Отвлек меня забеспокоившийся приемный отец – слишком долго я не подавала признаков жизни. Сначала я хотела отмахнуться, но затем он предостерег: «Уже восемь десять». Тогда я чуть ли не вылетела в прихожую, случайно толкнув отца, поспешно извинилась и споткнулась о торчащий паркет.

Паника глухо забила в горле. Господин приказал пристально следить за Хель, и я собиралась воплотить его волю в жизнь – его приказы должны выполняться беспрекословно. Данные поручения всегда завершались на высшем уровне.

не, это и грело душу, и усиливало расположение хозяина, так что порой он давал мелкие поблажки. Нарушать этот порядок у меня и мысли не возникало – все должно было идти своим чередом. Он распоряжается – я все силы бросаю на то, чтобы в итоге он был доволен.

Вчера вечером я заранее решила, что буду делать. Встану раньше, чем обычно, соберу с собой несколько коробок с едой для себя и Хель, приеду в школу на раннем автобусе и буду ждать Луну. Специально поставила будильник на двадцать пять минут раньше, но стремлениям не суждено было сбыться – синяки на шее словно сковали. Все, что было связано с Господином, пленяло.

В итоге в школу я влетела в самое неподходящее время, когда Хель уже наверняка сидела в классе. При одной мысли о том, что она оказалась наедине с моими одноклассниками, когда я шляюсь незнамо где, нутро дрогнуло. О чем беспокоиться – о том, что ребята нападут на Хель и задавят ее, старающуюся избегать конфликтов, или о том, что она морально их уничтожит за одно-единственное неверно сказанное слово?

На привычном месте возле гардеробной ее ожидаемо не оказалось. Я пристально вглядывалась в мелькающие лица школьников, снующих туда-сюда, но знакомой темной шевелюры и детского рюкзака так и не заметила. Вокруг не было никого знакомого – ни Пака, ни Гери, ни Изенгринна. Последних двух в обычной жизни я старалась избегать, так как Гос-

подин их ненавидел, но сейчас рада бы была столкнуться и с ними, лишь бы спросить, не встречали ли они сегодня Хель.

Логично предположить, что она уже давно нашла нужный кабинет и расположилась там за нашей партой, но что-то подсказывало, это не так. Интуиции я привыкла доверять, поэтому носилась по коридорам, лелея надежду, что вот-вот увижу немного обиженную и, как всегда, мрачную Хель.

Звонок громко прозвенел, созывая учеников на урок. Пришлось ринуться на занятия. Думать, что со мной за это сделает Солнце, не хотелось.

Возможно, стиснет своими длинными пальцами мое запястье, медленно и мучительно ломая кость.

Надежды разбились, как фарфоровая чаша. Класс заполняли знакомые звезды, но Луны среди них не было. Парта, которую мы с ней выбрали, отвратительно пустовала.

Кровь в жилах похолодела. Что говорить ему? Как объяснить, что упустила ту, за кем он приказал следить? Как простить себя за то, что дала ускользнуть?

– Арлекин, не стой на пороге, – проворчала учительница. – Не задерживайся, у нас самостоятельная по плану.

К своему месту я двинулась автоматически. В висках напряженно билось одно-единственное: «Хель».

Странно. Прежде, когда мне доводилось сидеть одной на уроках, меня это не особо напрягало, и я не понимала стремления одноклассниц найти себе соседа, если постоянный неожиданно заболел. Да, тут же образовывалось слишком

много пространства, и учебники распластывались, занимая его, будто пытаюсь заполнить вакуум. Я ощущала пустоту. Дул сквозняк, заставляющий ежиться – с Хель было бы теплее. Она сама будто бы холодная, но если пододвинуться чуть ближе к ней, понимаешь, что на самом деле от нее исходит жар. Словно ее аура нагрета до предела.

Спустя двадцать минут урока, тянущихся целую вечность, я практически не думала о последствиях своего провала и готова была принять любое наказание, даже тридцать ударов плетью по спине. Господин такое уже проворачивал – на коже остались причудливые рисунки, напоминающие перешептывающихся змей. Я аккуратно обрабатывала их. Отец предлагал сделать пластическую операцию, чтобы убрать шрамы, но я наотрез отказалась – Солнце карает заслуженно, и я должна носить их, чтобы впредь не допускать оплошностей. В данном же случае он наверняка изобретет нечто более изощренное.

Думы сосредоточились на Хель. Несколько раз чудилось, будто она сидит рядом, состоящая из мягкого света, щекочущего веки, как кисточка для пудры. Тогда я резко оборачивалась, но ловила лишь воздух, текущий из щели под дверью.

Самостоятельную я, можно сказать, пропустила. Начиркала что-то на листке бумаги в линейчку, который мне с подозрительным взглядом вручила преподавательница, и поспешно положила его на край ее стола, чтобы не задерживаться после занятия. Пожалуй, даже если бы меня пытали

самые талантливые инквизиторы Средневековья, я не сказала бы, какие были вопросы и как я на них ответила.

Однако звонок все же раздался, и синхронно с ним я вскочила со своего места, даже не задвинув стул под парту.

С Господином я еще не сталкивалась, но была уверена, что по закону подлости он вынырнет прямо из-за угла, спросит, что происходит с Хель, и я не смогу соврать. Ему невозможно втолковать ложь – глаза его словно вырывают правду из глубины души. К счастью, эта перемена была длинной. Шансы исследовать всю школу были высоки, если бегать быстро – главное, попасть в правильное место в верное время, чтобы столкнуться с Хель.

Слава богам, я додумалась не надевать каблуки.

Мне удалось успешно пройти коридоры на третьем этаже и втором, заглянуть в каждый класс, туалет и даже учительскую. Хель там делать было нечего, но я решила проверить даже самые невероятные варианты. Однако затея не увенчалась успехом – я лишь запыхалась, не достигнув результата.

Я привалилась к ближайшей стене, похлопав себя по лицу, подбадривая, и приготовилась вновь пуститься на поиски, как услышала грубый оклик:

– Эй, рыжая!

Еще этого не хватало...

– Я бы с удовольствием поболтала с тобой, Гери, но занята. Прости. Как-нибудь в другой раз.

– Нет, – хмыкнул волк. – В этот. Уверен, горящих миссий

у тебя нет.

Знал бы он, чем мне грозят такие выкрутасы, как разговор с ним без прямого повеления на передачу какой-либо информации. Однако поведать обо всем и заставить его понять я не могла, да и не хотела. Вздохнула:

– Ладно, только по-быстрому. Что у тебя?

Он пожал плечами:

– Хотел спросить, почему ты выглядишь так, будто всю Россию пробежала с отрядом зомби на хвосте.

Я скривилась:

– Ищу Хель, а ее нигде нет. Ты ее не видел?

На его лице расползлась насмешливо-довольная ухмылка:

– Видел. Даже сидел с ней за одной партой.

– Что?

Он фыркнул:

– Изенгрин предложил ей вчера позаниматься с нами, она согласилась. Как жаль, что тебе не сообщили.

Ком беспокойства в горле сменился обидой. Хель ведь у нас понравилось, почему она вдруг без предупреждения подалась к волкам? Я ей надоела? Или Изенгрин что-то сказал?

Как разрулить ситуацию? Что бы ни послужило причиной неожиданному переходу Хель, пусть и временному, Солнечному Господину это едва ли понравится...

– И... – прохрипела я, – как ей у вас?

Гери словно бы задумался:

– Слушала, записывала, вполне нашла общий язык с ребя-

тами. Точнее, они друг друга не трогают. Но нашему Брейну она, похоже, по душе. Обычно он над теми, кто ему неприятен, интеллектуально довлеет, а с ней ведет себя как шелковый. Так что, думаю, если она выберет нас, найдет себе хороших друзей.

«Лучше тебя. Она найдет друзей лучше тебя».

– Что ж, не нам устраивать разборки по поводу того, кого выберет Хель. Это полностью ее решение, нечестно обсуждать это за ее спиной.

– Какая ты благородная, – состроил гримасу Гери.

– Как бы то ни было, раз ты был с ней весь первый урок, должен знать, куда она пошла.

– Ее в спортзал вызвали, должно быть, она еще там.

– Спортзал? Когда?

Волк скептически вскинул бровь:

– Серьезно? После звонка с урока объявление по радио давали. Ты в каких облаках витала?

– В лунных, – буркнула я, но тут же радостно просияла. – Спасибо, Гери!

– Эй, подожди, ты...

– Потом, все потом!

Прежде чем он крикнул еще что-то, я уже свернула за угол, перепрыгивая ступеньки.

Не услышать объявление! Досадная оплошность, которая, не встретив я Гери, обернулась бы ужасающими последствиями. Теперь, если столкнусь с Господином, смогу хотя бы

вполне вразумительно ответить, куда иду и почему без Хель.

Рядом с залом никого не было, лишь сверху из женской раздевалки доносился хохот. Я уже поднесла к двери руку, чтобы постучать, как внутри кто-то злобно зарычал. Я едва успела отскочить: мгновение – и дверь заехала бы мне по лбу. Не сумев удержать равновесие, я удачно опустилась на стоящую рядом скамейку. Вовремя: изнутри вырвалась Хель.

Выглядела она странно. Всклокоченная, взъяренная, с искривленными губами, будто ее вот-вот стошнит. Резко поправив соскальзывающий с плеча рюкзак, она едва не ломанулась к лестнице.

– Хель, подожди! – выскочила из зала Марина, засеменив след за ней.

– Я отказываюсь! – гаркнула Луна, даже не затормозив.

– Это для общего блага! – простонала учительница. – Иначе нельзя!

Я не в силах была пошевелиться. Хель бесновалась; в груди кольнуло: сейчас к ней лучше не приближаться. Было бы гораздо проще, знай я, что произошло.

Марина открыла рот, чтобы что-то ответить, но ее насмешливо прервал Солейль, за чьей спиной молчаливой горой стоял Изенгрин.

– Хватит строить из себя потерпевшую. Я недоволен так же, как и ты!

Выглядел старший лис едва не причудливее Хель: на щеке тонкие царапины, воротник белоснежной рубашки помят.

Луна резко развернулась, едва ли не ослепшая от ярости. Не хотела бы я еще раз увидеть ее такой...

– Закрой рот, – прошипела она. – Не могу больше тебя слушать!

– Ой, какие мы нежные...

Она шагнула к одиннадцатикласснику, стеклянная от гнева; ее остановила Марина:

– Прекратите! Вам драки не хватило?!

Так полосы на лице Солейля – дело рук Хель, а ее встрепанные волосы – последствие его удара?

На лиса плевать с высокой колокольни, но то, что он посмел тронуть мою Луну, без внимания оставлять непозволительно. Несмотря на хрупкий вид, он был довольно силен; я бы с ним не справилась, поэтому решила пожаловаться Господину. Он-то доходчиво объяснит, чего делать не стоит.

– Драки? – вскинул бровь Солейль. – Я лишь дал ей подзатыльник, а она мне все лицо разодрала! Скажи, Изенгрин!

Волк лишь сокрушенно покачал головой, будто говоря: «Ну что за детский сад». Солейль цокнул языком:

– Я для тебя ничего не значу. Считай, я обиделся, – и, поправив сумку за плечом и презрительно сморщив нос, пошел прочь. Изенгрин со вздохом двинулся за ним, похлопав Хель по плечу, когда поравнялся с ней. Та его прикосновение проигнорировала.

Когда шаги старших лиса и волка стихли, учительница выпустила Луну, напряженно отчеканив:

– Вот, теперь ты их не догонишь. Стой смирно, поняла? О, Арлекин. Мы тебя не заметили.

Я слегка нервно хихикнула:

– Неудивительно, у вас тут такие разборки...

– Не ожидала, что эти трое так бурно друг на друга реагируют. Хорошо, Изенгрин помог их разнять и не вступил в перепалку, но эти двое... Ох, сдается мне, придется изрядно помучиться... Так, а сейчас у меня много важных дел и новый класс вот-вот должен прийти, поэтому откланиваюсь. Арлекин, будь добра, проводи Хель в класс и проследи, чтобы она не пересеклась с Солейлем, а то опять сцепятся.

– Есть, мэм, – кивнула я, неуверенно подбираясь к Хель. Почему-то не оставляло ощущение, что она может врезать ни за что и мне.

Учительница махнула рукой и скрылась в спортивном зале. Луна зарылась в собственные волосы, сделала несколько длинных выдохов и произнесла:

– Я спокойна.

– А... Что там случилось?

– Марина хочет, чтобы Изенгрин и... *этот* тренировали меня для соревнований. Дескать, мы должны в кои-то веки одолеть сорок пятую школу.

– И что в этом такого? – не поняла я.

– Ладно Изенгрин, но этот... Этот! – побелела от злости она. – Я его придушу в первый же день! Не могу на него смотреть даже. Это выше моих сил.

Потоком отрицательных эмоций меня чуть не сбило с ног. Не зная, как остановить их, я просто положила руку на плечо подруге, как это сделал Изенгрин.

– Ну-ну... Победа – это важно...

– Да знаю я. Все ради нее. Только я недостаточно стальная, чтобы терпеть самовлюбленных уродов. Мы перегрызем друг другу глотки.

– Может, вы подружитесь.

Луна смерила меня таким взглядом, что я поспешила отвлечь ее, переведя разговор в другое русло:

– А голова твоя как? Болит? Тошнит? Сотрясение есть? Ради богов, прости, что я не дождалась, пока ты не очнешься, очень нужно было бежать! Ты же меня за это не возненавидишь, правда?

От столь резкой смены темы она чуть опешила, но ответила уже гораздо более сдержанно:

– Все в порядке... Не за что ненавидеть. Не глупи.

Я облегченно охнула:

– Может, ты и чувствуешь себя вполне нормально, но организм – сплошная тайна. Так что сегодня пойдем в больницу. Не спорь! Тут совсем недалеко, много времени это не займет, да и у нас есть Пак с машиной. Он нас подкинет. Кстати, ты выглядишь голодной. Не завтракала? У меня тут припасено кое-что для тебя, пойдем за круглый стол, успеешь перекусить. Сама готовила. Ты же не против, если я буду тебя кормить? Ну, чего застыла? Пойдем-пойдем, не стой

столбом. Обижусь, если не попробуешь хотя бы кусочек.

* * *

Последний за день звонок давно прозвенел, и гимназия должна была бы вздохнуть свободно, избавившись от груза в лицах сотен учеников, но те все толпились в коридоре, стелкаясь плечами. По утверждению Хель, это делало помещение похожим на метро в час пик. Сама я столицу ни разу не посещала и не представляла, каково заполненное метро, но Хель настаивала, не объясняя даже, по какой причине.

Мы сидели за круглым столом на первом этаже в компании шумных ребят из младших классов и переживали бурю, творящуюся возле гардеробной. Школьники толкались, пинались, некоторые даже чуть ли не дрались из-за того, что задели друг друга толстыми портфелями. Никто не догадался, что можно поставить их на пол, дабы не мешались, и тогда и места стало бы больше, и ссор меньше. Но их можно было понять – когда вокруг сжимается кольцо людей, так что не продохнуть, не до размышлений об удобстве, тут лишь бы добраться до гардеробной и как-то выйти из нее.

Хель устала – откинулась на спинку стула, чуть прикрыв глаза и еле слышно постукивая пальцами по поверхности стола. И тем не менее смиренно ждала, когда люди разойдутся по домам. При мысли, что она делает это из-за того, что я сказала пойти в больницу, улыбка расплывалась до ушей:

«Она считает меня настоящей подружкой, раз слушается!»

Мне безумно хотелось поговорить с ней о чем-то, но она явно нуждалась в покое: побледнела, взгляд из-под нахмуренных бровей выражал крайнюю степень раздражения, поэтому я ерзала рядом, запихивая готовые вырваться фразы глубже в глотку, и старалась не выводить ее из себя. Страшно вообразить, какой силы ненависть кипит у нее в душе по отношению к Солейлю, раз он довел ее до такого всего лишь за одну перемену.

Он огорчил мою Луну. Солнце должно узнать об этом и наказать наглеца!

Наконец, коридор стих.

– Что ты так смотришь на меня? – лениво прищурилась Хель. – Я в чем-то испачкалась?

– Выглядишь очень уставшей, – не стала лукавить я. – Честно, ты похожа на только что восставшего зомби. И у тебя губы потрескавшиеся. Дать гигиеническую помаду?

Хель пожала плечами:

– Расхвалила. Давай.

Я порылась в сумке, достала искомое и протянула ей. Она медленно, даже несколько заторможенно, помазала губы и вернула мне.

– Оставь, – отмахнулась я. – У меня еще есть, а тебе пригодится.

В обычной ситуации она наверняка поспорила бы, но теперь не стала возражать. Убрала в карман пиджака и растек-

лась в кресле, закинув ноги на подлокотники. Меня так и подмывало спросить, все ли в порядке, но, во-первых, ответ очевиден, во-вторых, ее лучше не трогать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.